

З. В. ВАСИЛЬЕВ



**БЛОКАДА
ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ**

В. В. ВАСИЛЬЕВ

БЛОКАДА — ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

(Воспоминания участника обороны Ленинграда)

**Посвящаю
внучкам Лене и Маше**



**Васильев
Василий Васильевич**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В многочисленной литературе о блокаде Ленинграда в годы Великой Отечественной войны воспоминания трудящихся промышленности составляют, к сожалению, очень незначительную часть. Так уж повелось, и объяснить это нетрудно, что в качестве авторов чаще выступают крупные военачальники и руководители обороны Ленинграда. Рабочий класс и младшие организаторы производства, вынесшие на своих плечах наибольшую тяжесть, в мемуарной литературе практически не представлены. Поговорите с любым промышленным рабочим, пережившим блокаду, и вы узнаете интереснейшие подробности истории обороны города на Неве, его быта и драматических судеб ленинградцев, но писать свои воспоминания они не будут...

Поэтому следует собирать и бережно сохранять немногие имеющиеся записи воспоминаний, каждое честное, искреннее слово о блокаде. К их числу относятся и записки В. В. Васильева. Они освежают наше представление о блокадных буднях, так как в какой-то мере выходят за устоявшиеся рамки такого рода литературы.

Историку они дадут материал о социальной психологии потомственного рабочего (А. М. Тимофеева и др.), дадут новые штрихи, показывающие всестороннюю роль рабочих в обороне Ленинграда. Читателя, интересующегося историей обороны города на Неве, они познакомят с новыми деталями блокадного быта. Это и "переговорное устройство" для дежурных МПВО на Кировском заводе, организация погрузо-разгрузочных работ на Дороге Жизни, похороны родственников в голодную зиму, и залпы "Катюш" с территории блокированного города. Интересны и страницы, посвященные приезду на Кировский завод заместителя наркома обороны Я. Н. Федоренко и др.

Автор стремится к точности и детализации, столь характерной для рассказа простого человека, но при этом он не лишен художественного восприятия событий и обладает завидной наблюдательностью. Рассказанные им эпизоды зачастую имеют довольно яркую эмоциональную окраску. Трудно забыть страдания умирающего от дистрофии отца, который понимает, что оставляет в полном одиночестве любимую десятилетнюю дочь. В драматическом эпизоде в булочной автор успевает заметить выражение лица мальчишки-ремесленника, съевшего чужую пайку хлеба, и видит в нем страдающего ребенка. Запоминается и случай человеческой смерти во время артиллерийского обстрела под веселую музыку из радиорепродукто-

ра на площади Стачек. Автор уловил нюанс момента и сумел в скупых словах рассказать о нем.

Конечно, В. В. Васильев не профессиональный писатель, он простой русский человек, с отзывчивой душой, через которую прошла война. Он не просто фиксирует то, что видел, но пишет о том, что прошло через его сердце и с болью в нем отзывается до сих пор.

Он считает своим долгом донести свой бесхитростный рассказ о героической обороне Ленинграда до поколения внуков. Это благородное желание, и хочется, чтобы оно осуществилось.

Доктор исторических наук,
лауреат Государственной премии СССР
А. Дзенiskeвич

ОТ АВТОРА

Все 900 блокадных дней я был в Ленинграде. До ухода в Армию в июне 1943 года работал на Кировском заводе. Завод находился на переднем крае обороны. Мы слышали пулеметные очереди, а немецкие осветительные ракеты были хорошо видны на территории завода.

Но несмотря на близость врага, голод, холод, бомбардировки, артиллерийские обстрелы цехов, когда смерть по пятам ходила за каждым из нас, завод продолжал работать.

Все, о чем пишу, я видел и пережил сам — один из многих рядовых защитников Ленинграда. Пишу обо всем так, как мне помнится, не преувеличивая и не приукрашивая фактов, пережитое в годы блокады навсегда зарубцевалось в моем сердце. Что бы я не делал, чем бы не занимался, память о блокаде живет во мне и не дает о себе забыть. В меру своих сил и возможностей я хочу рассказать о страданиях и героизме ленинградцев, чтобы родившиеся после Великой Отечественной войны хоть частично представляли себе трагическую реальность тех дней, помнили о ней и гордились подвигом своих соотечественников.

ГРОЗНАЯ ВЕСТЬ!

*Мы так простились с мирным днем
и нам в огне страды убойной
от горькой памяти о нем
четыре года было больно.*

А. Твардовский

О начавшейся войне я узнал на улице только в полдень. Мне не было известно, что многие военнообязанные, в том числе и мой сосед по квартире, уже в 5 часов утра были срочно вызваны в военкоматы. В это утро был неожиданно нарушен и график радиотрансляционной сети. Вместо 6.00 утра радиопередачи начались в 5.20. Диктор, известный тогда всем ленинградцам М. Меланед, передал по радио о проведении 22 июня в 10.00 очередного учения противовоздушной обороны города и о правилах поведения горожан во время учений. Все это в какой-то степени многих ленинградцев встревожило.

И все же сообщение о начавшейся войне было настолько неожиданным, что я не сразу осознал трагизм событий, хотя в то время война уже катилась по Европе и сапог гитлеровских солдат топтал не одну страну. Много говорили, что к войне нужно быть готовым и, тем не менее, не верилось, что она будет, и будет так скоро. Настало страшное время: судьба нашей Родины теперь решалась на полях сражений.

Всего лишь два года назад как я плавал в торговом флоте. Мне несколько раз пришлось бывать в Германии, в ее портах: Бремене, Гамбурге; часто в Северном море, ходить по территории Германии Кильским каналом; видеть работу крестьян на полях, а в портах даже иногда и разговаривать с грузчиками, наблюдать жизнь людей на улицах, в магазинах... Хотя каждый раз нас предупреждали, что при заходе в немецкие порты нужно остерегаться возможных провокаций, а поэтому не ходить по одному в город, не брать с собой политическую литературу. Тем не менее, со стороны простых людей я не обнаружил явно выраженного враждебного к нам отношения. Мне сразу же после правительственного сообщения о войне представился наш небольшой пароход "Луга", на нем, одетые в спецовки, неторопливые немецкие грузчики. Они работали размеренно, без перекуров. Перекуры во время работы там были запрещены. Я вспомнил многие их лица: одни из них были приветливыми и разговорчивыми, другие — угрюмыми и молчаливыми.

Вспомнился эпизод в Гамбурге. Во время дождя мы пригласили рабочих укрыться в столовой. Я принес им с камбуза большой чайник какао, две буханки теплого белого хлеба, а сливочное масло у нас со стола не убиралось. А в это время Германия готовилась к войне и у рабочих масла не было. Мы это знали и видели, как во время обеда немецкие рабочие ели бутерброды с баклажанной икрой, запивая из фляг кофеем или чаем, и наше русское гостеприимство для них было приятным сюрпризом. Завязался разговор с грузчиками и на вопрос, кто из них воевал в первую мировую войну, многие подняли руки, были среди них и раненые. Один полный пожилой рабочий, подняв рукав, показал глубокий шрам выше локтя, а на вопрос: "На каком фронте воевали", все ответили: "На французском", никто не сказал, что воевал на "русско-германском". Может быть, так оно и было, но мне показалось, что они не хотят омрачать нашу дружескую беседу.

Вспоминается и эпизод в Бремене, когда наше судно стояло под разгрузкой у стенки. Мимо нас медленно проплывала самоходная баржа; от названия мотора, установленного на этих баржах, мы их называли "Болиндрами". На этих небольших баржах обычно жили и работали семьей. Муж — капитан, он и машинист. Жена — повар и хозяйка. Дети, независимо от пола, работали матросами. В тот момент, когда баржа проходила мимо нас, из машинного люка, слегка приподнявшегося вверх, показался машинист. Он был в фуражке-тельманке (так тогда назывались немецкие темно-синие фуражки с лаковым козырьком), в руках он держал два небольших портрета — Ленина и Маркса, а сам большим пальцем показал на противоположный берег Эльбы, при этом презрительно произнес: "фашисты".

Теперь же все эти рабочие представились мне уже одетыми в темно-зеленую форму, и по приказу Гитлера брошенными на нашу землю сеять на ней разрушения, страдания и смерть.

Когда я вернулся домой, в квартиру позвонила управхоз и велела всем заклеить оконные стекла бумажными крестами — это в какой-то степени должно было придать устойчивость стеклу во время бомбежки города. Объяснив, как это надо делать, добавила, чтобы в темное время суток окна были обязательно зашторены плотным темным или другим материалом, так, чтобы свет из комнат не проникал на улицу, а пока просила выйти во двор и помочь привести в порядок бомбоубежище.

В подвале со сводчатыми потолками нашего старого дома, где раньше были дровяные сараи, несколько лет назад было построено большое бомбоубежище. Находясь на людном перекрестке — угол

Невского и улицы Герцена дом 13/9 — это бомбоубежище стало местом укрытия от бомбежек, а позже и от артобстрелов для многих ленинградцев. В первую же военную ночь оно было заполнено до отказа. В полночь взволнованный голос диктора ленинградского радио поднял всех на ноги, к его голосу присоединились — вой во дворе дома ручной сирены, гудки заводов, пароходов, стоявших на Неве. Все эти звуки, то тревожно нарастая, то затихая, предупреждали людей о смертельной опасности.

Соседи по квартире торопливо проходили мимо нашей комнаты, спускались по черному ходу в бомбоубежище. Сестра, брат и я тоже стали собираться в укрытие, но трудно было разбудить маленькую Тоню. Чтобы не прерывать детский сон, пришлось ее сонную брать на руки. Сестра взяла с собой для нее одеяло, я и брат с Тоней на руках пошли вниз. На лестнице по черному ходу навстречу нам на чердак и крышу дома торопливо поднималось несколько человек — добровольцы команды противовоздушной обороны дома.

В бомбоубежище часто и гулко грохала массивная железная дверь. Помещение подвала быстро наполнилось людьми, некоторые шли сюда с узелками, одеялами. При тусклом освещении молча, не выдавая волнения, искали себе место на скамейках, лезли на нары, устраивались кто как мог на полу. Хотя ленинградцы и были подготовлены к воздушным налетам врага и большинство знало, как себя вести, тем не менее при первом налете волновалось. Было известно о жестоких бомбардировках немецкой авиацией английских городов, таких, как Ковентри, который был почти полностью уничтожен фашистами. Теперь фашистские летчики были над Ленинградом...

Люди молчаливо и внимательно прислушивались к тому, что происходило на улице. Лишь отдельные крики детей и успокаивающие голоса матерей нарушали тревожную тишину в низком каменном подвале.

Вдруг неожиданно для всех нарушают тишину вошедшие десятка два нарядно одетых юношей и девушек. Это были вчерашние школьники. В эту белую ночь они ходили на Неву, чтобы проститься... Проститься с несбывшимися мечтами, со школьными годами.

Так прошел какой-то час тревожного времени, послышался сигнал отбоя. Люди расходились по квартирам досыпать оставшуюся часть ночи. Пока в городе ничего страшного не произошло. Это была первая попытка врага прорваться к Ленинграду; как сообщила утренняя сводка Совинформбюро, во время налета наши войска сбили несколько самолетов противника.

С этой ночи почти на весь период войны круглосуточное, четкое постукивание метронома станет привычным и останется на долгие годы в памяти каждого ленинградца.

В понедельник утром я отправился на Кировский завод, чтобы узнать, что там происходит.

В это время я работал контрольным мастером в цехе силуминового литья. Цех отливал из легкого металла блоки авиационных и танковых моторов.

С трамвайного кольца у Казанского собора я поехал на работу. В это утро в трамвае я заметил, что люди были более сосредоточены. Молчаливый кондуктор, отрывая от катушки билеты, объявлял остановки, но делал это негромко и как-то неохотно.

На заводе еще ничто не говорило о начавшейся войне. У проходной цеха, как всегда, сидел дремавший на стуле, мне хорошо знакомый старый вахтер дядя Коля. Он посмотрел на мой пропуск и как всегда кивнул головой: — Проходи. На стендах так и висели субботние объявления, приглашающие в выходной день пойти в театр, о проведении физкультурных мероприятий. Висели приказы об отпусках.

Войдя в цех, я прежде всего поторопился пойти в конторку к репродуктору, послушать последние известия. Там уже сидело несколько человек. Надо заметить, с этого дня, особенно в утренние часы, люди стали собираться большими толпами у репродукторов, в ожидании сообщений с фронтов за прошедшие сутки. А они были в начале войны тревожными и люди, выслушав их молча, расходились.

В первую неделю войны завод был похож на растревоженный улей, производилась срочная светомаскировка цехов. Маляры с ведрами, лестницами красили в синий цвет оконные стекла, белые шары уличных фонарей. Ковались специальные клещи для тушения "зажигалок", устанавливались ящики с песком, бочки с водой, демонстрировались практические приемы гашения "зажигалок".

Не обходилось это занятие и без печальных происшествий. Мне довелось видеть, как в одну из демонстраций гашения горевшей "зажигалки" женщина клещами подняла ее выше положенного, у нее на непокрытой голове вспыхнули волосы.

Все рабочие и служащие в это время надели на плечи сумки с противогазами, учились часами работать в противогазах, тренировались стрелять из винтовок. На крышах строились площадки для дежурства и установки на них зенитных орудий. Над территорией завода и города повисли аэростаты воздушного заграждения.

Приводилась в боевую готовность служба местной противовоздушной обороны и медицинская служба завода. Ряды кадровых рабочих поредели — рабочие уходили на фронт. Все, чем раньше жили, теперь ушло на второй план. Личным делом каждого становилась война — борьба с коварным и жестоким врагом.

В начале июля по решению Государственного Комитета Обороны началась эвакуация заводского оборудования вглубь страны.

Грустно было видеть, как кировцы снимали с фундаментов и грузили на железнодорожные платформы станки и другое оборудование. Они были вынуждены прощаться не только с родным заводом, ставшим частью их жизни, их гордости, но и со своим жильем, нажитым имуществом, с собой брали только самое необходимое. Это было поистине невиданное в истории страны переселение из западных районов на восток в глубокий тыл людей и оборудования. Об отъезде на Урал я как-то не думал, хотя и была возможность уехать вместе с цехом. Для многих тогда был выбор — работать здесь, на заводе, или ехать на Урал. Желание уехать из Ленинграда было у семейных, а я был холост, и без особых колебаний решил не покидать свой дом, свой город, свой завод. К тому же вскоре начальник отдела технического контроля Б. Г. Дысин этот вопрос решил окончательно, направив меня в ново-чугуннолитейный цех старшим мастером для освоения нового производства отливок тяжелых мин и снарядов, необходимых фронту. Новая работа требовала большой отдачи времени и сил.

ТАНКИ НУЖНЫ ФРОНТУ!

*Броня крепка и танки наши быстры,
А наши люди мужества полны.
Идите в бой, отважные танкисты,
Любимой Родины сыны.*

В. Лебедев-Кумач

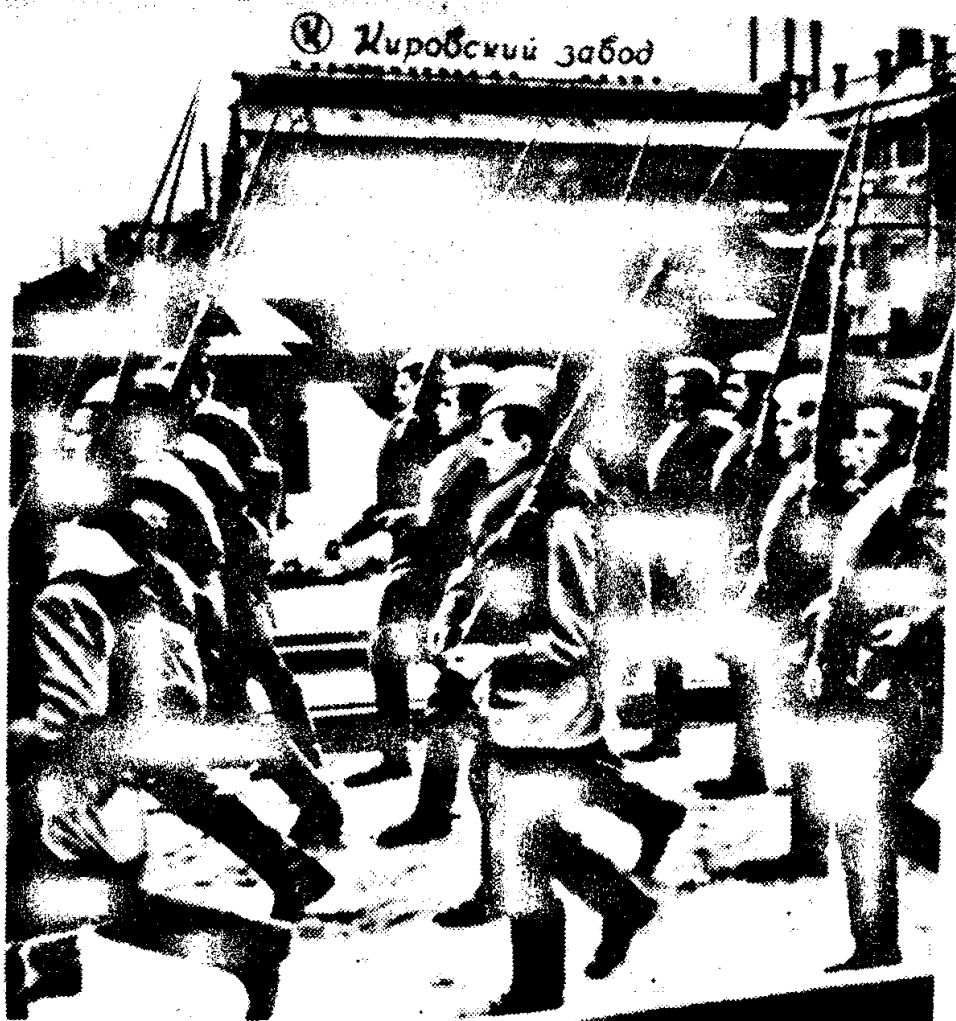
Основная продукция завода в начальный период Великой Отечественной войны были тяжелые танки КВ, но сложившаяся обстановка

в городе в это время выдвигала перед заводом все новые и новые задачи. Завод их с успехом решал, работая под девизом: "Нужно фронту — сделаем". Так, кроме танковых пушек, которые кировцы изготавливали и для других заводов страны, фронту потребовалась срочно полковая 76-миллиметровая пушка, ранее выпускаемая Кировским заводом. Вследствие допущенных серьезных ошибок в выпуске вооружения, за несколько лет до войны, ряд артиллерийских систем по стране был снят с производства, в том числе и 76-миллиметровая пушка на Кировском заводе. Эта небольшая пушка весила немногим больше тонны, а дальность стрельбы у нее была 10 километров при хорошей скорострельности.

Этот заказ, или, как его называли тогда, "системный К", по заданию правительства в кооперации с другими предприятиями завод быстро стал выполнять. В 1941 году он дал дивизии, обороняющей подступы к городу, 75 артиллерийских орудий и 18 пушек, установленных на автомашинах. Но по-прежнему главным производством завода оставался выпуск тяжелых танков. Наши машины не имели себе равных в мире. За их освоение завод был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Экипажи КВ в начале Великой Отечественной войны комплектовались на заводе из водителей-испытателей и мастеров сборки этих машин. Командиры назначались из воинских частей. Однако число таких специалистов на заводе было ограничено. А новая техника в армии танкистам была незнакома, в связи с этим, по указанию наркомата Вооружения Красной Армии, на завод стали прибывать группы технического состава для изучения новых танков КВ. Для этого была специально разработана учебная программа, в которую входило: кроме теоретических занятий — практические работы на узловую, агрегатную и общую сборку. Каждому курсанту представлялась возможность до 10 часов практического вождения танком.

Занятия в группах проводил военпредовский и инженерно-технический состав, мастера механосборочного цеха и сдаточных цехов. Первая группа обучающихся досрочно 22 июня держала экзамен на знание танка КВ и в этот же день и отбыла в свои части. С этого времени Кировский завод становится не только поставщиком танков, но и учебным центром по подготовке боевых квалифицированных экипажей.

На второй день войны на цеховых митингах было принято решение о создании из комсомольцев танкового батальона. Сразу же после митинга и начали запись в него. В этом батальоне среди записавших-



На защиту Ленинграда

ся были И. Новожилов, С. Марченко, П. Ершов, П. Сергеев, П. Магер, В. Барышев и другие.

Комсомольцы-добровольцы продолжали работать на своих местах и три дня в неделю после обеда ходили на занятия в Шереметьевский парк (этот парк находился в поселке Дачном, теперь его нет), где изучали материальную часть вооружения, практическое вождение и стрельбу. 12 августа комсомольцы надели военную форму, стали механиками-водителями, младшими водителями, стрелками, радистами. Командирами танков и командирами орудий назначались офицеры и сержанты из учебного танкового батальона при Кировском заводе. Укомплектованный танковый батальон 14 августа отбыл с Кировского завода.

Вот что рассказывает об этом капитан 2-го ранга запаса В. Барышев, вступивший в 1941 году в первый комсомольско-молодежный танковый батальон добровольцем: "В связи с приближением фронта к основной железнодорожной магистрали Москва — Ленинград и в целях безопасности движения эшелон с танками был направлен по

маршруту Мга, Кириши, Будогощь, Неболочи, Красный Холм, Саньков и далее к месту назначения в Ивановскую область, где формировалась 8-я танковая бригада. С 18 сентября бригада под командованием полковника П. Ротмистрова, ставшего позже маршалом бронетанковых войск, вела оборонительные бои на Северо-Западном фронте. В этих боях погибли комсомольцы-кировцы Сергей Марченко и Петр Ершов. За успешные боевые действия 8-я танковая бригада была переименована в 3-ю гвардейскую танковую бригаду".

В первые месяцы войны Красная Армия под натиском превосходящих сил врага была вынуждена отступать в глубь страны. С фронта на завод шли письма с просьбой дать больше КВ. На завод приезжал и начальник автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко. Он знакомился с работой сборочных и сдаточных цехов, с испытанием танков. И сделал свои замечания по дальнейшему усовершенствованию КВ. В частности, генерал говорил о некоторых конструкторских просчетах: у танка слишком высокая башня, а также, если попадет снаряд в зазор между башней и корпусом, то башня заклинивается. Нужен был вариант танка с большой мощной пушкой для прорыва сильно укрепленных линий врага. Генерал призывал кировцев дать больше этих машин.

Завод справился с заданием фронта, смог резко увеличить выпуск танков и поставить их выпуск на серийное производство. Это было сделано за счет организации круглосуточной работы цехов, введение строгого графика поступления к ним узлов и деталей и сборки боевых машин. Было обращено большое внимание и на увеличение мощности заготовительных цехов, где вместо сложнойковки было применено литье, резко увеличилось количество штампованных деталей, тем самым было освобождено много весьма нужных станков по обработке металла.

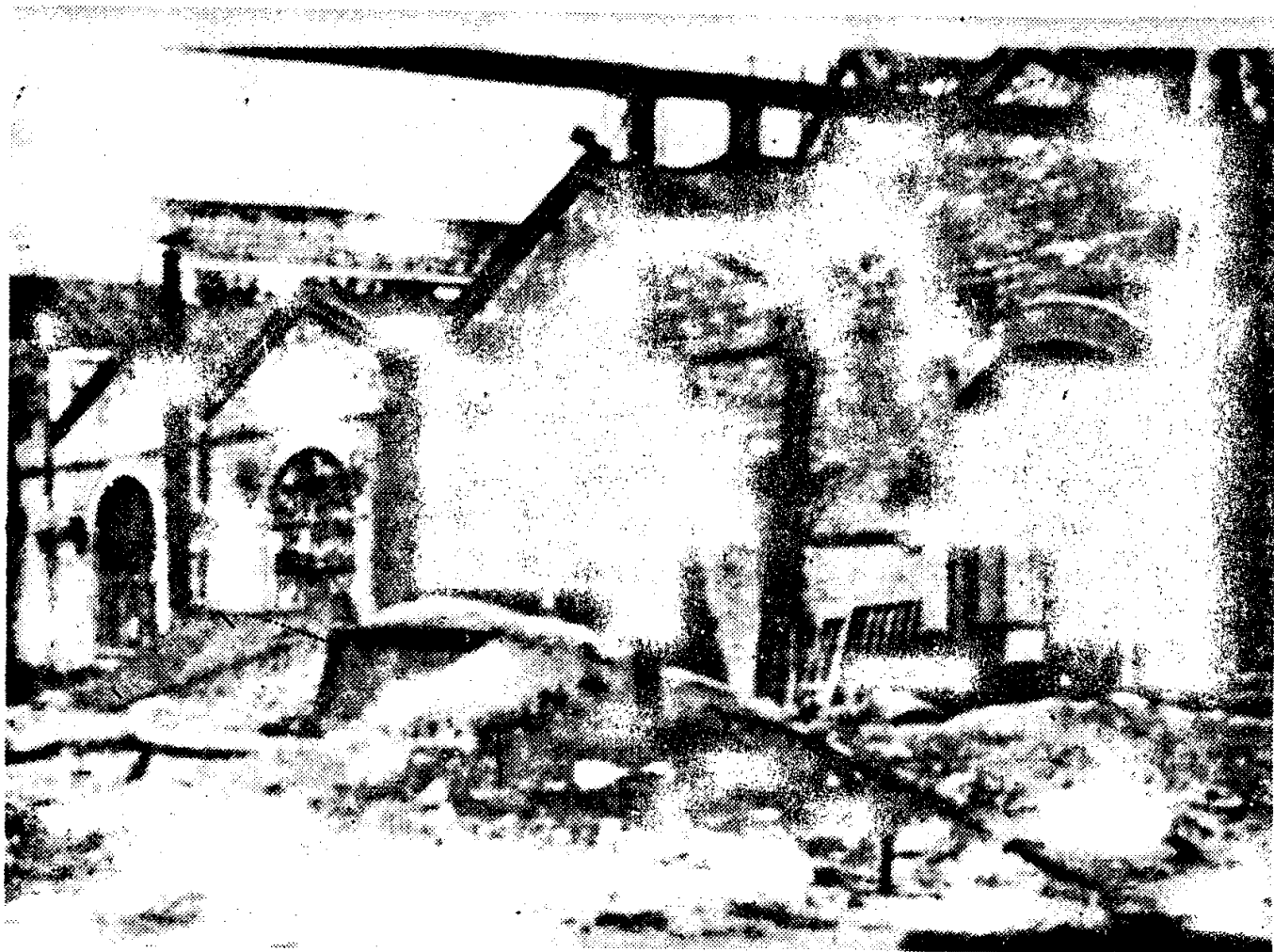
Теперь на территории завода на постаменте, выложенном из гранитных блоков, возвышается тяжелый танк КВ как памятник, напоминающий о славных делах танкостроителей Кировского завода.

БОМБАРДИРОВКА ЗАВОДА

*Зениток гром. Лучей боренье.
Вон там, над крышей, на юру
Рев, свист и дымное паденье...*

*Газ. "На страже Родины"
23 декабря 1941 г.*

Первая бомбардировка завода была осуществлена немцами в ночь на 10 сентября, через сутки после налета на Бадаевские продовольственные склады. Это была одна из самых массированных бомбардировок завода за весь период войны и блокады. Тогда на завод было сброшено 627 зажигательных и 14 фугасный авиабомб. Враг, как видно, хотел одним ударом разбомбить и сжечь Кировский завод. Всего завод бомбили 26 раз.



Цеха после бомбардировки завода.

Были бомбардировки и такие, чтобы сломить моральный дух ленинградцев, психически повлиять на них. Для устрашения немцы сбрасывали пустые бочки и рельсы, которые в падении издавали жуткие звуки.

В первую же бомбардировку завода немцы, наряду с фугасными и зажигательными авиабомбами на парашюте спустили 1000-килограммовую фугасную бомбу. Дежурившие в этот момент на крыше ново-чугуннолитейного цеха бойцы противовоздушной обороны думали, что спускается на парашюте диверсант. А в то время о диверсантах и шпионах население постоянно предупреждалось. Поэтому "диверсант" находился еще в воздухе, а о нем уже было сообщено через переговорную трубу с крыши в кабинет дежурному.

Хочу заметить, такой вид связи дежурных по крыше с дежурным по цеху считался более простым и надежным. Представлял он собой обыкновенную трубу диаметром примерно пять сантиметров, плотно заткнутую с обеих сторон пробками с милицейскими свистками. На концах труб имелся небольшой раструб, прислонившись к нему лицом, надо было подуть в него, и на противоположном конце трубы раздавался свисток; вынув пробку, можно было вести переговоры.

Дежурным в ту ночь был заместитель начальника цеха Л. М. Крельштейн, тот, в свою очередь, по телефону сообщил о "диверсантах" в штаб противовоздушной обороны завода. Оттуда были сразу же высланы бойцы истребительного батальона. Бомба приземлилась на площади между ново-чугуннолитейным и силуминовым цехами. Взорвалась на поверхности штабеля труб, взрывной волной откинув бежавших к ней бойцов. В цехах были выбиты стекла, оконные переплеты, порвана была электрическая и телефонная связь, а в дерево-модельном цехе снесена часть стены и крыша. Утром, придя на работу, я пошел на место взрыва бомбы. В хаосе разбросанного и исковерканного металла остались ключья темно-зеленого парашюта и один из кусков его я положил между страниц своей записной книжки.

Пожары к утру были уже ликвидированы. Более значительные разрушения, чем здесь у цеха, я не видел. Тогда же по заводу много говорили, что немцы хотели разрушить не цехи, а главное конструкторское бюро завода, находившееся недалеко от места, куда попала бомба.

Так это было или нет, но после бомбардировки конструкторское бюро завода стало менять место своего нахождения.

АРТОБСТРЕЛЫ

*Обстрелы вели с пяти сторон,
Был город странно молчаливым,
Звучал тупых ударов стон,
И черные вставали взрывы.*

Вс. Азаров

Пожалуй, самые большие переживания, если не считать голода, в течение всей блокады для ленинградцев — были вражеские артиллерийские обстрелы. От них было не только больше разрушений, чем от воздушных бомбардировок, но и больше человеческих жертв. Кроме того, мы жили и работали с изматывающей мыслью о том, что артналет может начаться без предупреждения, в любую минуту. И это всегда держало нас в напряжении.

5 сентября 1941 года утром очевидцы рассказывали на заводе, что вражеский снаряд упал на Глазовскую улицу — теперь это улица Константина Заслонова. Это была неприятная весть. Ленинград стал досягаемым для пушечного выстрела.

Тяжелый снаряд пробил стену двухэтажного дома № 13. Через пролом в стене были видны вещи, мебель. Сейчас на месте дома № 13 и № 11 (последний был разрушен позже) построено современное здание.

Тревожная обстановка в городе все больше и больше нарастала. Город повсеместно подвергался артиллерийскому обстрелу. Эта дата врезалась мне в память так же и по другой причине. В тот день я обнаружил, что на заводе орудуют лазутчики, делая свое грязное дело. Мне в эти часы пришлось дежурить на крыше своего цеха, где для этого была устроена небольшая, с барьером площадка, откуда в бинокль была видна не только территория завода, но и тревожная панорама переднего края. Там, за поселками Кленово и Сосновая Поляна, на неубранных картофельных и капустных полях шли бои. Оттуда доносились отдельные пулеметные очереди и были видны вспышки орудийных выстрелов. Враг был совсем рядом. Думалось, неужели сегодня или завтра развернутся сражения на самом заводе? Все, кто здесь работал и жил, понимали, что надвигаются решающие события. Завод был готов для сражений на своей территории.

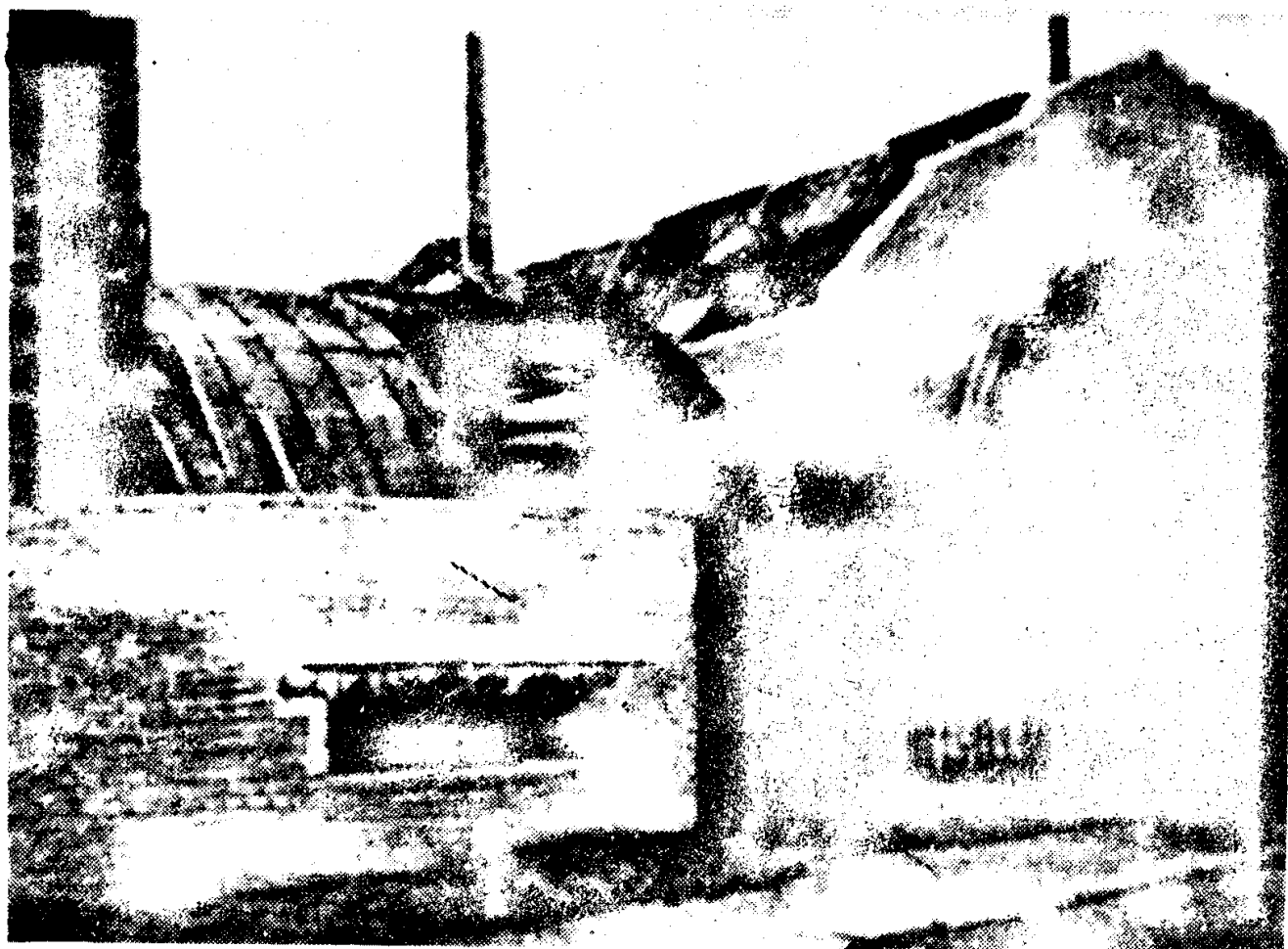
Пока я стоял на крыше цеха, шел методичный обстрел города и поблизости от завода, где-то на проспекте Стачек, овались тяжёлые снаряды, и вот один из них разорвался на территории завода; и сразу

же после взрыва я увидел, как на самой высокой крыше завода турбинного цеха замигал электрический фонарик или лампочка. После этого обстрел завода усилился и продолжался до утра. Я решил, что сигналист корректировщик, и доложил начальнику силуминового цеха К. И. Хозбабову, тот, в свою очередь, в особый отдел майору Дробышеву.

В ночь я был послан дежурить в заводоуправление, в штаб, который в то время находился в подвале этого же здания.

Потолок его был укреплен металлическими опорами и оборудован специально под собрания и другие массовые мероприятия, одновременно он служил и бомбоубежищем.

Если до этого дня я мог только слышать разрывы тяжелых артиллерийских снарядов, рвавших сравнительно далеко от меня, и видеть их разрушительную силу, то по дороге в заводоуправление мне показалось, что очередной снаряд летит прямо на меня, сейчас взорвется, разнесет все, убьет... Я инстинктивно бросился на землю. Раздался страшной силы взрыв. Поднимаю голову: стоит пыль и неприятный запах гари.



Один из полуразрушенных цехов.

Я тогда не задумывался о том, сколько еще раз завод будет обстреливаться. Сколько будет людей растерзано и искалечено снарядами? Сколько будет здесь разрушений и пожаров? Мы все с напряжением ждали боя на самой территории завода.

Придя в заводоуправление, где дежурили бойцы местной противовоздушной обороны, медслужбы и мы, связные — представители цехов, я здесь впервые понял, что война идет не только на полях сражений. Но она идет и там, где люди работают, готовят оборону города, делают все необходимое для фронта, для отражения врага. И в эту массу людей проникают лазутчики, пытаются работать на руку врагу. Кто эти люди? Как они были засланы в Ленинград врагом? Меня эти вопросы долго мучили и я не находил на них ответа.

Как стало позже известно, в основном лазутчики проникали в Ленинград вместе с отступающим населением. Многие люди, не желая остаться в оккупации у врага, бросали все: жилье, скот, имущество, добирались разными путями в Ленинград, в надежде найти здесь защиту и убежище.

В этом потоке беженцев не трудно было пробраться в город и врагам. Они были снабжены всем необходимым, в том числе портативными рациями и ракетницами. И судя по первым воздушным налетам, таких работающих на руку врагу было немало. Синие цепочки ракет можно было наблюдать во всех частях города. Они показывали, как тогда говорили, врагу направление для бомбардировки военных объектов.

Находясь в подвале здания заводоуправления, за толстыми стенами, я слышал, как шел обстрел завода: методично, с определенными интервалами, — видимо, било одно орудие, — снаряд за снарядом ложился на территорию завода.

Наши тяжелые орудия, стоящие по соседству, где-то в порту и в саду 1 Мая, мощно отвечали. Разрывы снарядов, гул наших орудий иногда сливались в сплошной рев, сотрясая воздух и стены здания. В эту ночь, с 13 на 14 сентября, неукомплектованные танки, стоявшие в сборочных цехах, были рассредоточены по заводской территории. В подвале заводоуправления то и дело раздавались телефонные звонки от цеховых дежурных. Они сообщали, что в цехах рвутся снаряды, что есть человеческие жертвы и возникали пожары. Бойцы местной противовоздушной обороны и медслужбы брали с собой носилки и уходили из подвала в темноту к очагам поражения.

Обстрел, длившийся всю ночь, к утру прекратился. Но наша батарея, стоявшая в порту, продолжала стрелять. Идя утром с дежур-



После бомбежки.

ства, на своем пути до проходной завода я увидел результат вражеского артиллерийского обстрела. У одного из цехов продолжали еще хлопотать пожарные, растаскивая и гася дымящиеся доски. В стене механического цеха зияла огромная пробоина, через нее были видны станки, присыпанные битым кирпичом и штукатуркой.

Это было только начало тяжелого и жуткого времени в истории завода. С этого дня враг, стремясь сломить сопротивление обороняющихся, будет варварски и методично бомбить город с воздуха и обстреливать его тяжелыми артиллерийскими снарядами. Воздушные налеты будут сменяться артиллерийскими обстрелами. Иногда они будут достигать в общей сложности 18 часов в сутки, как это было 15 и 17 сентября. Наряду со страшными разрушениями, гибелью людей, возникнут сотни пожаров, среди них и такие незабываемые, — их было видно за много километров, — как на Бадаевских продовольственных складах, любимом всеми ленинградцами, тогда деревянном, стадионе имени Ленина и замечательном аттракционе "Американские горы".

АЛЕКСЕЙ МАКАРОВИЧ

*Встал он навстречу
фашистской грозе
город,
где были героями все!*

Р. Рождественский

Познакомился я с А. М. Тимофеевым, а затем и подружился, в августе 1941 года, когда Ново-чугуннолитейный цех, где я работал старшим контрольным мастером, перешел на выпуск отливок снарядов и мин. Именно тогда его прислали к нам контрольным мастером. Цех, где работал А. М. Тимофеев, был эвакуирован на Урал, но сам он твердо решил остаться на заводе в Ленинграде. Ему было тогда около сорока лет. Был он среднего роста, худощав, нетороплив, немногословен. Работу свою знал и выполнял хорошо.

Жил Алексей Макарович по соседству с заводом на улице Возрождения дом 32. До революции она называлась Богомоловской. Тогда дом на улице был последним. Дальше простирался пустырь, который местные жители называли Лаутеровым полем. Оно было популярным местом отдыха рабочих Путиловского завода в праздничные дни.

Дом, в котором жил Алексей Макарович, был деревянным, двухэтажным. Его двухкомнатная квартира на первом этаже выходила окнами на север, что во время артиллерийских обстрелов было несколько менее опасным. В блокаду недалеко от дома были расположены четыре тяжелых артиллерийских орудия. Одно было укрыто в железнодорожной насыпи северо-восточнее дома. Морское, снятое с корабля, было установлено на платформе сразу же за насыпью, примерно там, где проходит новый виадук проспекта им. Маршала Говорова. Еще одно орудие стояло недалеко от кирпичного здания школы, теперь там медицинское училище. Наконец, последнее орудие стояло возле двух старых тополей, буквально в 50—100 метрах от дома. Когда оно делало выстрел, старый дом сильно вздрагивал, отчаянно дребезжали стекла окон, дома было очень неудобно.

Судьба расчета этого орудия оказалась трагичной. Во время одного из обстрелов немецкий снаряд попал в укрытие около двух старых тополей, весь артиллерийский расчет погиб. Теперь на месте, где погибли бойцы-артиллеристы, стоит фабрика-прачечная N 15.

Было бы справедливо, если бы на ее стене укрепили мемориальную доску.

С домом Алексея Макаровича связано и другое воспоминание — о тревожных днях сентября 1941 года. Тогда улица Стачек бурлила оживленным людским потоком. Население пригородных поселков Ульяновки, Дачного, Привала, Автова покидали свои дома и вереницей тянулись вглубь города, неся с собой все, что могли взять. Навстречу им шли воинские части. Помню моряков, снятых с военных кораблей, в черных бушлатах, в бескозырках, с пулеметными лентами через плечо. Все они шли преградить дорогу ненавистному врагу.

В эти дни мы оставались ночевать на заводе. Нам выдали удостоверения бойцов рабочего отряда и оружие. Начальники цехов и их заместители поставили свои койки в кабинетах, поближе к телефону. Работники нашего цеха ходили ночевать в расположенный по соседству силуминовый цех, где был оборудован дот. В этом мощном оборонительном сооружении были двойные нары, на которых мы и ночевали до конца сентября. Алексею Макаровичу, как живущему рядом с заводом, было разрешено ночевать у себя дома. Но Алексея Макаровича беспокоила мысль о том, что в случае внезапного прорыва противника он не успеет добежать до завода. И тогда он решил на всякий случай сделать огневую точку у себя в доме. Мать и сестру он отправил к родственникам на Васильевский остров, выпустил из клеток любимых певчих птичек, а декоративных рыбок вместе с водой из аквариума вылил недалеко от дома в заросшее травой болотце. После этого Алексей Макарович принялся за постройку амбразуры. Забил один вход в дом, выпилил в коридорной стене щель, изнутри обложил ее кирпичом и кусками железа. Для удобства сделал и скамейку против щели. На работе он ничего не говорил, но когда я к нему пришел, показал мне свою огневую точку. С улицы амбразура была почти незаметна, видна была лишь узкая продолговатая щель. "Подавить такую точку, — говорил Алексей Макарович, — можно только из пушки". В щель было видно здание школы, вправо и влево от нее было свободное пространство. "Не все же немцы пойдут только по улице Стачек, они могут просачиваться и здесь. Вот тут-то я и буду брать их на мушку и по одному бить, а до меня они не сразу доберутся". Он говорил спокойно, видно было, что все хорошо продумал. В его лице и голосе чувствовалась непоколебимая решимость защищать свою Родину. А Родина для него и была его улица, старый деревянный дом со скрипучими полами, тополя около дома. Вот за эту Родину скромный, неразговорчивый человек, любивший все жи-

вое (о таких говорят: "Он и мухи-то не обидит"), без колебаний готов был отдать жизнь, но отдать ее как можно дороже.

Вместе со своим подготовленным к обороне домом Алексей Макарович пережил всю блокаду. В районе дома разорвались сотни вражеских снарядов. Дом горел, его тушили, в нем гибли люди, и все же он остался цел. После войны его отремонтировали и он простоял до 1971 года, когда в ходе массового строительства его снесли. Теперь на его месте находится фасад большого здания завода отделочных материалов.

Я помню Алексея Макаровича не только как своего верного друга, но как одного из тысяч ленинградцев, самоотверженно ставших на защиту родного города.

В ТИСКАХ БЛОКАДЫ

*Девятьсот ночей и дней в осаде
В ледяном и огненном плену,
В истекавшем кровью Ленинграде
Мы стояли насмерть в ту войну.*

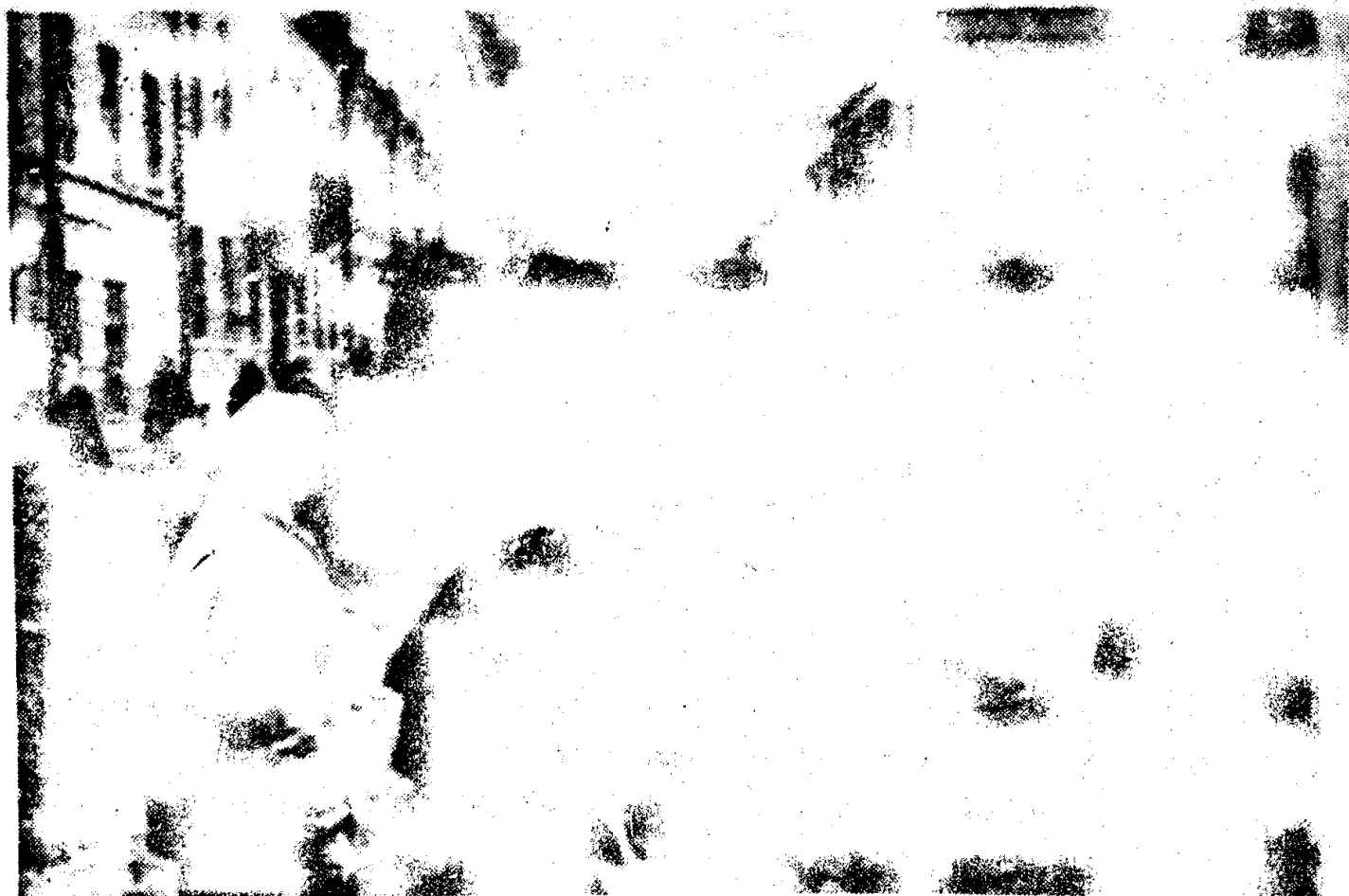
Н. Алексеев

В течение двух недель продолжался штурм города. В течение двух недель ни днем ни ночью не прекращались у самых стен Ленинграда тяжелые кровопролитные бои. Вместе с тем враг непрерывно бомбил и обстреливал город: жилые дома, больницы, заводы, сея разрушения, пожары, смерть.

Сигналы воздушных тревог в это время подавались по несколько раз в сутки, тем самым изматывая людей физически и морально, не давая им спокойно жить и работать. Только 23 сентября было объявлено 11 воздушных тревог, общей продолжительностью около восьми часов.

В результате нарастающего сопротивления враг был обескровлен и вынужден 25 сентября прекратить наступление. Казалось бы, защитники города могли с облегчением вздохнуть, однако вскоре стало известно о тяжелых боях под Москвой.

В это время в цехе висела карта нашей страны, линию фронта на ней аккуратно отмечали красными флажками. Теперь красные флажки все дальше и дальше продвигались вглубь страны. Над Родиной нависла смертельная опасность. Гитлер на весь мир раструж-



Баррикада на ул. Правды, осень 1941 г.

бил, что его танки 7 ноября пройдут парадом по Красной площади. Однако 8 ноября из экстренного выпуска заводской газеты мы узнали о параде наших войск на Красной площади. Вот это сила! Вот это вера в неминуемую гибель гитлеровской армии!

В связи с парадом наших войск 7 ноября на Красной площади по заводу прошли митинги, на них было полностью зачитано выступление Верховного Главнокомандующего. Тем временем обстановка в Ленинграде день ото дня все больше и больше ухудшалась. В первые недели осады Ленинграда ходило много слухов о том, что на прорыв блокады идет 54-я армия под командованием известного генерала Г. И. Кулика. Большие надежды возлагали на эту армию ленинградцы, так как продовольственная норма стала катастрофически снижаться. Но ленинградцы считали это затруднение временным. Только и было разговору: "Кулик идет! К нам на прорыв блокады, блокада будет прорвана! Кулик выручит", "Затруднения эти временные", "Все скоро встанет на свои места".

Однако Кулик промедлил с наступлением, а немцы значительно укрепили место прорыва, и все атаки наших войск были отбиты. Вскоре ленинградцы стали говорить, что "Кулик застрял в болоте".

Теперь же положение Ленинграда становилось все более критическим. Запасы продовольствия в городе быстро иссякали. Первое сокращение нормы хлеба было еще 2 сентября, второе — 12 сентября, затем третье — 1 октября, четвертое — 13 ноября и наконец, 20 ноября было пятое и последнее сокращение выдачи хлеба. Норма состояла: рабочим и ИТР — 250 граммов в день, служащим, иждивенцам и детям — 125 граммов. Причем в этот хлеб при выпечке примешивалось 30 процентов целлюлозы, выработанной из древесных опилок, и другие примеси.

Если в сентябре и октябре в заводских столовых по карточкам была (и осталась еще надолго в памяти каждого ленинградца, как очень вкусный продукт, чечевица — из нее варили супы, каши, а вместо жира и масла добавляли олифу, в ноябре не стало и ее. В пищу пошли белковые дрожжи, выработанные из целлюлозы. Из них варили супы. Это блюдо представляло собой бледно-желтую жижицу с неприятным запахом и вкусом. Шроты приготавливались в виде запеканки, также выработанные из целлюлозы. Позже из этого продукта появилось искусственное молоко, из него варили "холодец" и "желе". К весне 1942 года в Ленинграде не стало кошек, собак, голубей — они были съедены.

Положение ленинградцев усугублялось еще и наступлением сильных морозов, а они в том году были особенно крепкими, а топлива в городе к зиме уже не было.

И тем не менее, несмотря на страшный голод, холод, неотапливаемые цеха, завод продолжал работать. Фронту нужны были снаряды, мины и вооружение. Ново-чугуннолитейный цех и другие цехи завода продолжали работать.

Ново-чугуннолитейный цех был одним из современных и крупных цехов завода, построенных всего двенадцать лет назад по типу американских механизированных литейных. С его конвейера тогда сходило литье для тракторов "Фордзон-путиловец", прокладывавших в нашей стране первые колхозные борозды. Начальником цеха был один из его строителей, молодой инженер К. М. Скобников.

В период войны и блокады Скобников руководил этим огромным, четко действующим сложным организмом. Цех насчитывал 800 человек рабочих и служащих. Константин Михайлович был удивительным человеком. Он хорошо сходился с подчиненными. Был в цехе

больше, чем у себя в кабинете. Умел каждого выслушать, был точен и обязателен, помнил и выполнял свои обещания, а их было в то время так много. Вовремя сказанное им нужное слово, веселая шутка подбадривали уставших людей, вызывали на их лицах улыбку. Константин Михайлович мог сказать, как надо выполнять ту или иную работу высокой квалификации рабочего.

Для обороны города ново-чугуннолитейный цех поставил на поток отливки снарядов и мин. Громадные заснеженные и обледеневшие корпуса цеха, пробитые и израненные осколками снарядов, снаружи казались мертвыми. Но стоило только открыть дверь, как в нос ударял запах горелой земли и шлака. Десятки людей разных профессий, возраста и пола слаженно работали здесь на оборону.

В центральном корпусе движется непрерывная лента конвейера, на ней установлены тяжелые опоки. Здесь, у конвейера, происходит весь цикл работ: от изготовления форм до выколотки из них готовой продукции. В пыли и холодной седой дымке на разных участках конвейера идет напряженный труд людей. У пневматических формо-



Ново-чугуннолитейный цех. Женщины-шишельницы.

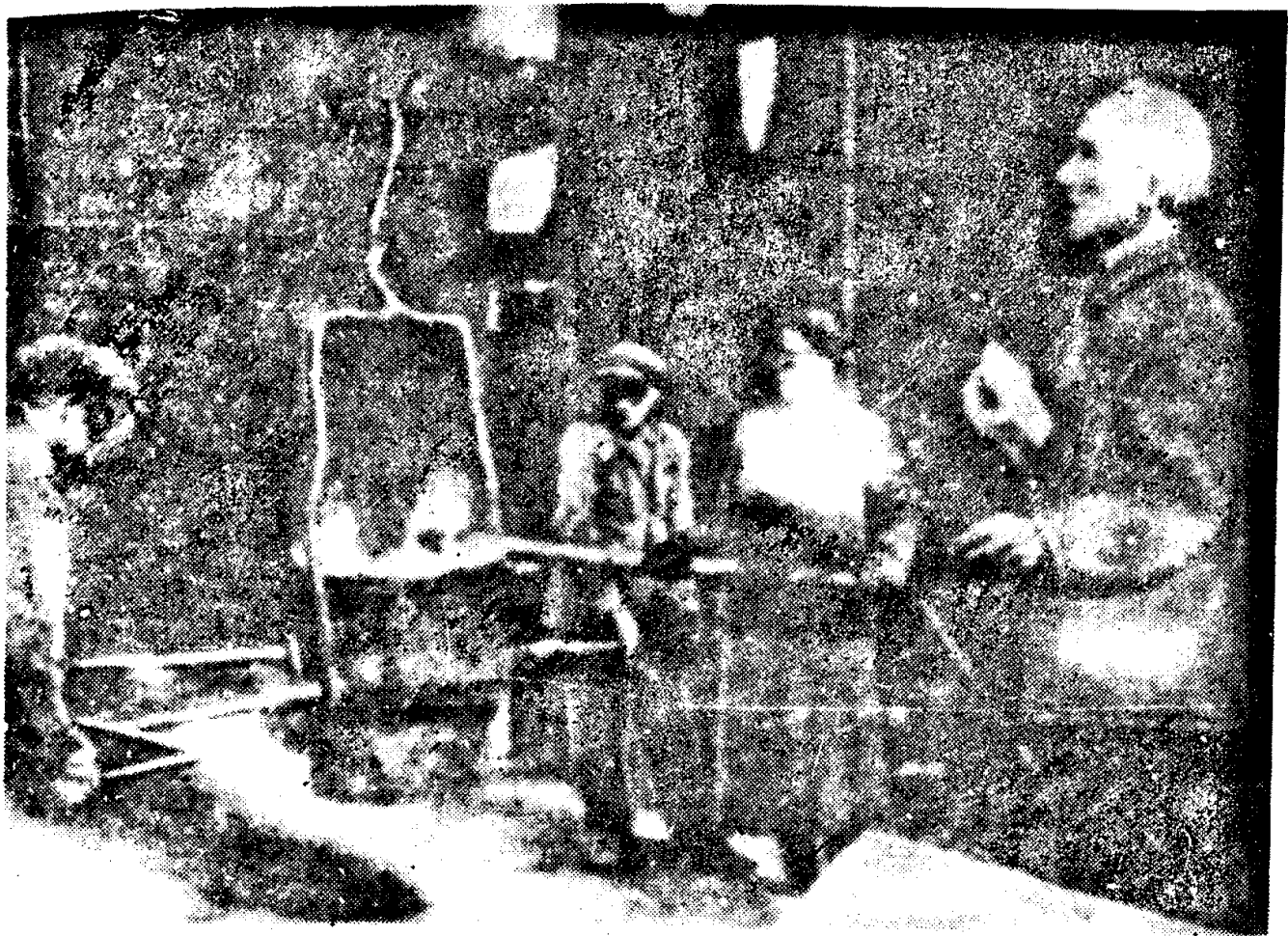
вочных станков стояли рабочие в шапках-ушанках, в ватниках, мало у кого были на ногах валенки, а больше в самодельных шубниках или стеганках, с надетыми на них галошами. Это были, главным образом, женщины. Женщина в литейном цехе стала основной фигурой. И не было в цехе для нее такой профессии, от самой физически тяжелой до самой сложной, на которой бы она не работала. Многие работницы были еще вчерашними домохозяйками, пришедшими на завод вместо своих ушедших на фронт мужей.

Как и солдаты на фронте, они носили противогазные сумки, в которых тогда помещалось все их имущество, все их пожитки и котелок с ложкой. Многие из них находились на казарменном положении. Были ночи, когда с винтовкой в руках они охраняли свой завод, сменяя друг друга лишь для того, чтобы немного поспать, отдохнуть, а утром снова встать на свое рабочее место. Они никогда не знали, оставляя свой дом, вернутся ли туда снова. И тем более не было уверенности в том, что, оставив родных дома, увидят их опять. Работали, бывало, по 12 часов. Случалось, вагранка не выдерживала такой нагрузки, прогорал ее кожух. Но всегда на смену ей была готова к пуску другая. Менялась печь, но люди работали одни и те же.

Вот на таком горячем участке работала тогда замечательная молодая работница Аня Иванова, руководившая большой бригадой завальщиков шихты. Эта работа возле огнедышащего жерла вагранки всегда раньше была мужской и нелегкой профессией, к тому же и опасной.

Не менее легкая работа женщин и у конвейера. Наблюдая за ними, я невольно удивлялся, как они могли ослабевшими руками выполнять такую работу? Каждая из работниц за смену на конвейер спускала десятки опок с заформированными в них сотнями снарядов и мин. Заформованные опоки от работниц медленно движутся к самому ответственному плавильному участку. На этом участке, если фашисты не помешают обстрелом выплавить металл, будет для фронта несколько тысяч отливок снарядов и мин.

Вот почему когда в декабре шла плавка металла, пожалуй, в самое тяжелое время для завода и цеха, вместе с мастером Малаховым и главным металлургом цеха В. А. Каноновичем, к розливу металла приходил и сам начальник цеха. Он заглядывал через стекло в фуромы вагранки, наблюдая за прибыванием металла в копильник. Вот, наконец, Константин Михайлович, улыбаясь, говорит вагранщику Калистратову: "Ну, Калистратыч, давай!". И вагранщик привычным ударом пробивал летку вагранки и на желоб шла белая струя



Раненый мастер Л. Е. Рудин руководит плавкой и розливом металла.

металла, металла сражающегося завода. Если в этот момент и начнется артобстрел, плавка и розлив металла не прекратится, рабочие не покинут своих рабочих мест. И это было продиктовано не каким-то особым приказом. Нет! Просто люди знали, что плавку останавливать нельзя, что металл в этом случае погибнет, и работали под обстрелом, не уходя в укрытия. Был случай, когда во время артобстрела тяжелораненый мастер Л. Е. Рудин руководил плавкой и разливкой металла.

Так постоянно ковалась победа, тогда еще бесконечно далекая. Во имя ее отдали свои жизни тысячи кировцев. И те, кто погиб на фронте, и те, кто не перенес мучительных испытаний блокады.

С тех пор прошло 50 лет. Многих, с кем довелось мне работать в блокадное время на Кировском заводе, уже нет. Но память хранит их имена. Это были замечательные люди и патриоты нашей Родины, такие, как В. Михайлов, Н. Сосконаев, Н. Гусаров, П. Суворов, И.

Глазычев, И. Сенин, П. Богданов и другие. Они отдали свои жизни, чтобы жили мы, наши дети, внуки.

Вечная Вам память, товарищи!

ЗАВОД ПРИУМОЛК

*Дзойною жизнью мы сейчас живем
В кольце, во мраке, в голоде, печали
Мы дышим завтрашним свободным щедрым
днем
Мы этот день уже завоевали.*

Ольга Бергольц

18 декабря подача электроэнергии на Кировский завод прекратилась. Цеха погрузились во мрак, не стало слышно привычного шума. Впервые за многолетнюю историю известный стране и всему миру гигант, цитадель революции, славившийся своей продукцией, мастерами — приумолк, не дымились его высокие кирпичные трубы. Не было на заводе цеха, который бы не носил следов бомбежек и артиллерийских обстрелов. Во многих зданиях окна, крыши, стены были заделаны досками, толем, в других опустевших, полуразрушенных и сожженных, засыпанных снегом, гулял ветер.

Время от времени блокадную тишину на заводе нарушали лишь отдельные постукивания рабочих-ремонтников, да всем известная тогда на заводе зенитка, стоявшая на высокой крыше механического цеха № 10, время от времени методично била по наземным целям противника, как бы этим подтверждая: — Завод живет! Завод работает! Завод борется!

В декабре температура воздуха в цехах доходила до минус 30 градусов по Цельсию. Одновременно не стало воды, чтобы помыть руки, лицо; не работали уборные, канализация. А голод все больше и больше давал о себе знать. Вдобавок к этому и радио стало временами молчать, а это было в условиях блокады и близости врага страшнее, чем голод. Люди могли думать — не случилось ли чего с городом? Не случайно в это время группа рабочих завода написала письмо в Смольный, в котором говорилось: "Мы не просим хлеба, знаем, его нет; не просим света, знаем — и его взять негде. Мы просим последних известий".



Так выглядел город в зиму 1941—42 гг.

Несмотря на все, физически истощенные люди, при отсутствии всех видов транспорта, приходили на завод. Рабочие обычно собирались в помещениях, где горели коптилки, топились металлические печурки.

В нашей небольшой конторке, освещенной самодельной коптилкой, иногда собиралось много людей. При тусклом свете с трудом можно было рассмотреть их лица. В разговоре мы узнавали друг друга по голосу. Собравшиеся приносили сюда недобрые вести о смерти своих близких, товарищей... Здесь мы решали послать кого-нибудь к рабочим, давно не выходявшим на работу, узнать о них, в чем дело? Может быть, в чем-то им можно было бы помочь. В то же время некоторым из них, ввиду остановки завода, не было надобности являться на работу ежедневно. По их просьбе давалось администрацией увольнение сразу на несколько дней.

Многие пришедшие распределялись на разные хозяйственные работы по заготовке дров для столовой, как правило, им всем давалось определенное задание. В это время за водой для столовой и питья

ездили на санках с бочкой, тащили и толкали ее несколько человек, за Калининскую проходную завода, где еще каким-то чудом из водопровода продолжала сочиться вода. Рабочие смотрели за санитарным состоянием мест общего пользования, хоронили умерших, обеспечивали охрану завода, занимались ремонтом оборудования. Цеха старались держать в такой готовности, чтобы в любое время можно было возобновить работу.

В это время в семью моих родителей пришла первая голодная смерть — умерла всеми нами любимая бабушка Евдокия Михайловна. Она для многих из нас, ее внуков и правнуков, в свое время заменяла мать, а ее натруженные руки прачки дарили нам тепло и ласку. Хотя ее смерть не была неожиданностью, тем не менее, не было слов, чтобы выразить тяжелую для нас потерю. Ее единственную из восьми погибших моих близких удалось самим свезти на кладбище. Где похоронены остальные, я так и не знаю.

Жила бабушка с моей старшей сестрой Анной на 9-й линии Васильевского острова в доме 22. Во двор колодца их дома угодил снаряд и в комнате, в которой она жила, были выбиты оконные стекла. Окно мы завесили шалью, на которой при траурном свете лампы виднелась белая изморозь. На железной кровати, покрытая одеялом, лежала покойница. Я с сестрой при помощи дворника, который запросил с нас за помощь сбить гроб буханку хлеба, наспех сколотили гроб из неструганных досок, положили в него тело бабушки и на детских санках повезли ее на Смоленское кладбище. Я тянул санки за веревку, а сестра шла сзади, подталкивая и поддерживая гроб палкой.

На старом Смоленском кладбище, куда мы привезли покойницу, захоронения уже не было. В связи с большой смертностью в городе для массового захоронения умерших был отведен новый большой участок земли слева за рекой Смоленкой.

Здесь предстала мне ужасная картина, и только здесь я смог в полной мере понять и осознать, что происходит в городе. Если до этого мне не раз приходилось видеть, как по улицам города везли замерзшие трупы, беспорядочно набросанные в автомашину, а в ноябре еще и на санях везли их в морг, находившийся на моем пути за деревянным забором, угол проспектов Лермонтовского и Огородникова (теперь на этом месте гостиница "Советская"), или во дворе больницы 25 Октября, куда я заглянул в пролом забора и увидел штабеля трупов и, наконец, только что по пути на кладбище нас обошел мужчина, он нес в мешке труп подростка, причем голова его и плечи

были снаружи, — это все были жуткие картины, — но то, что я увидел на кладбище, меня потрясло неизмеримо больше. Передо мной предстали горы трупов, Сюда их везли на автомашинах: из моргов, госпиталей, больниц, подобранных во дворах, на улицах. Трупы были завернуты в простыни, одеяла, раздетые и одетые, с открытыми и закрытыми глазами, с поднятыми руками. Сюда везли мертвых и в одиночку на санках или просто на листах фанеры. Некоторые кучи трупов, видимо, ранее привезенные, метель словно из сострадания припорошила снегом. Здесь одна картина была страшнее другой. Можно было представить, какое огромное горе у родственников всех этих погибших, ведь они не могли похоронить близких и дорогих им людей по установленным обрядам и обычаям, у них не было сил предать их тела земле.

Всю физически тяжелую работу по захоронению выполняли девушки из отрядов противовоздушной обороны города или, как сокращенно их называли в народе, "пэвэошницы". Многие из них были и сами сильно истощены, еле переставляли ноги через трупы и промерзшие комья земли. Морозы стояли лютые, земля, застывшая, была как камень. Армейские подразделения подрывников, посланные в помощь по захоронению погибших, укладывали тол в намеченные ими траншеи, гремел взрыв, морозные комья летели вверх и гигантская братская могила была готова.

Мы поставили гроб в указанное нам девушками место, попрощались с бабушкой молча. Я теперь не помню случая, чтобы во время блокады люди о чем-либо плакали или причитали над погибшими близкими. Как правило, прощание с покойными проходило молча, люди несли свое горе в себе.

Пока мы с сестрой рассматривали все происходящее здесь, гроб нашей бабушки уже запылал на костре, возле него кучкой грелись работающие здесь девушки. Вначале сестра возмутилась их поступком, но, подумав о их состоянии и работе на морозе, мы ушли, не сказав ни слова.

Все увиденное здесь заполнило душу ненавистью. Хотелось взять в руки оружие и беспощадно уничтожить злобного врага. Это было моей мечтой большую часть блокадного времени. Но уйти на фронт с завода было тогда нелегко. Я несколько раз пытался это сделать, но добился ухода в Армию только в июне 1943 года, в это время началось дополнительное комплектование войск к снятию блокады. А пока я должен был вместе со всеми кировцами пройти через все муки блокадного ада.

В декабре у меня стали появляться признаки цинги — отечность ног. С каждым днем преодолевать пешком расстояние в восемь километров становилось все тяжелее и тяжелее. Идя на работу или с работы я стал замечать, что меня все чаще и чаще обгоняют женщины. В начале блокады они были более выносливы, чем мужчины. Женщин умирало много уже к концу тяжелого времени в январе, феврале, марте. Первыми умирали мужчины и люди более пожилого возраста.

Чтобы пойти на работу, надо было встать рано, поход на завод занимал много времени. Просыпаешься, в комнате страшнейший холод. Приходилось спать в лыжном костюме, а на себя набрасывать кроме одеяла все, что могло согревать. "Буржуйка" давала тепло лишь только тогда, когда она топилась, а как только огонь в ней погасал, комната сразу же начинала остывать. Холод проникал отовсюду, через промерзшие стены, покрытые льдом окна, дверь. Иногда к утру в комнате замерзала вода. Идешь с коптилкой к окну. По степени обмерзания стекол и слегка приоткрыв форточку определяешь примерную температуру воздуха на улице, соответственно с этим решаешь как одеться. Можно надеть ватник, но он без воротника, а я тогда носил шапку "кубанку", в нем будет холодно, но зато легко идти. Можно одеть охотничий пиджак с меховым воротником, поднять воротник, руки в карманы. В нем было теплее, но он был тяжелее ватника. В какой-то мере риск: дойдешь ли до завода в тяжелой одежде?

Та зима была холодной, не осталось в памяти ни одного солнечного и теплого дня. Выйдешь из дома, на улице непривычно темно, между стенами домов, среди неубиравшегося белого снега натоптаны потемневшие тропы. Они-то и показывали направление пешеходам. Люди идут, как тени, поскрипывая морозным снегом. Мой путь, который я считал наиболее коротким до завода — это от Невского проспекта по улицам Герцена, Декабристов, через Калинин мост, где сразу сворачивал направо и далее по улице Степана Разина, Лифляндской улице, улице Калинина к проходной Кировского завода.

День ото дня на этом пути я все больше встречал умерших людей. Это были те, кто не в силах был больше идти, упал и умер на снегу. Раньше таких ослабевших пешеходов старались поднимать. Мне в конце ноября, когда я чувствовал себя еще неплохо, таких людей случалось подводить к самому их дому. Лица их и сейчас сохранились в моей памяти. Теперь же большинство проходило мимо упавших



Так умирали и хоронили умерших.

умирающих людей, лишь посмотрев в их сторону с участием. Помочь упавшему было нечем. Лежали на снегу и те, кто умер дома, и близким не хватило сил самим свезти их на кладбище. Покойников выносили на улицу с тем, чтобы специальные похоронные машины их подобрали. Эти трупы, как правило, были завернуты в простыни или одеяла, перевязанные веревкой.

Мне было тогда 26 лет. До войны я был подвижен, хорошо физически развит, занимался спортом и показывал неплохие результаты. С началом голода я стал ощущать как бы нарастающую тяжесть свинцового груза. Мне было очень тяжело. В один из морозных декабрьских дней на заводе я почувствовал, что не в силах буду вернуться домой. Я решил провести ночь в цеховой конторке. Она оказалась первой, но не последней.

Конторка находилась на втором этаже. В смысле артобстрела в ней находиться было неуютно, над головой всего лишь легкий потолок да крыша, которая в любую минуту могла быть пробита снарядом любого калибра. Но зато в ней была установлена буржуйка, трубой

выведенная на крышу. Эта небольшая печурка дарила благодатное тепло небольшому помещению, освещенному самодельной коптилкой. В конторке стояло несколько стульев и два письменных стола. Подвинув столы к буржуйке поближе, я решил на них переспать. Через щели буржуйки от горящего топлива тускло пробивался свет, слегка освещая близстоящие предметы. Среди них и шкаф с документами, пробитый осколками снаряда. Это произошло еще в сентябре, в один из первых обстрелов завода. Осколок разорвавшегося в воздухе шрапнельного снаряда пробил крышу цеха, стену конторки и застрял в шкафу. Я его извлек, с большим любопытством рассматривал. По его излому и структуре металла можно было безошибочно определить и без химического анализа, что он отлит, как и наши, из сталистого чугуна, только стенка потолще, а это значит, калибром был больше. Трофей этот я положил в стол и иногда показывал его людям, а также пробитый шкаф и крышу. Это поначалу вызывало какой-то интерес, позже на заводе подобных осколков было столько, что их собирали как лом на переплавку.

Мне тогда в эту первую ночь не спалось и не спалось не только потому, что обстановка и условия не располагали для ночлега, но и потому, что страшно хотелось курить, а с табаком было также тяжело, как и с питанием. Иной раз, несмотря на мучительное чувство голода, готов был отдать за одну затяжку часть своей пайки хлеба. Курили мы тогда махорку. Но ее в блокаду не хватало. Стали делать искусственный табак. Это были дубовые и кленовые листья, заготовленные в парках. На табачных фабриках их резали и пропитывали никотином. Это была пародия на табак. В шутку такой табак называли "лесная сказка", но даже это курево было в большом дефиците. Поэтому сбор такого листа пионерами и школьниками считался важным оборонным делом. Так, пионерам 194-й школы в 1942 году было поручено собрать каждому не менее пяти килограммов листа.

К полуночи, как только стал догорать в буржуйке коксик (это мелкие отсеки ваграночного топлива), стало холодно и в конторке. Я взял ведро, спустился с ним на улицу. Меня охватил свежий морозный воздух. На безлюдной территории завода была гробовая тишина, лишь под ногами похрустывал снег, он теперь на заводе был необычно белый, не запачканный заводской копотью и пылью. А над головой, как в темном бархате, сверкали тысячи звезд. Я без особого труда отыскал Большую Медведицу из семи крупных звезд и Полярную звезду. Еще в детстве показывал эти звезды отец, называя из Большим ковшом. Вспомнилось далекое, милое сердцу время, детство под

Тулой в большой многодетной семье, мать, неприхотливые, но сытные ее обеды.

Мои мысли и тишину нарушил разорвавшийся за цехом снаряд. Ему вторила длинная очередь нашего пулемета. Набрав в ведро угля, я направился обратно. В небе поднялась и повисла над нашим передним краем немецкая осветительная ракета (мы их называли "люстрами"). Почти одновременно, уже ближе к цеху, разорвался второй снаряд. Чтобы не попасть под обстрел, я хотел было прибавить шагу, но с ужасом обнаружил, что сделать этого не могу. Отяжелевшие ноги перестали мне повиноваться и продолжали медленно переступать. Я достиг такого состояния, что одной ногой был уже "на том свете". Позднее рабочие признались мне, что каждое утро, направляясь в цех, думали: "А жив ли Василий Васильевич?"

Между тем сам я, как и многие другие блокадники в моем положении, о смерти не думал. Работа обязывала меня двигаться, не опускаться и показывать пример другим. Вообще по моим наблюдениям погибали быстрее те, кто переставал двигаться, ложился в кровать. По логике казалось бы наоборот — те, кто двигался, должны были терять больше калорий и вероятность смерти была для них реальнее. Но на деле же оказалось все наоборот. Скорее погибали те, кто морально опускался, утрачивал волю к труду, к движению.

Как мне помнится, декабрь и январь были самыми тяжелыми месяцами зимы 1941/42 гг., в эти месяцы на заводе от дистрофии погибло наибольшее количество кировцев. Люди гибли на ходу, на рабочем месте, или сидя за столом, а иногда умирали очень медленно, как тогда говорили — "догорали". Бывало, человек еще жив, но лежит без всяких признаков жизни и кажется уже мертвым. Так, однажды утром мне сказали, что умер наш приемщик К. Иванов. Ему стало тяжело ходить домой и он, как и некоторые другие рабочие, стал ночевать в цеховой монтерке, обогреваемой буржуйкой, где его и нашли без признаков жизни. Так как он работал в нашем отделе и по сложившемуся порядку в цехе в этом случае мы и должны были отдать ему последний долг, то есть свезти в морг и оформить на него документы. Для перевозки зимой больных, раненых, умерших в поликлинику и морг были сделаны специальные санки с дощатым настилом и подголовником. Мы были сами сильно истощенные, и только вчетвером смогли отнести и положить на санки К. Иванова. Вдвоем с рабочим повезли его в морг. По дороге у Иванова на ухабах спадала рука и нам приходилось несколько раз останавливаться и поправлять

ее. А переложить его поудобнее, чтобы рука не спадала с санок, нам было тяжело.

Моргом, куда мы привезли К. Иванова, был кирпичный сарай, похожий на сундук, находившийся рядом с заводской поликлиникой. Сюда перед отправкой на кладбище складывали погибших от обстрелов и умерших от голода кировцев. К нашему удивлению, врач при осмотре Иванова сообщила, что он жив и, если бы принял стакан горячего сладкого чая, мог бы очнуться. Мы были потрясены. Мне было стыдно смотреть в неподвижное лицо дяди Кости. Я корил себя за то, что не поправил его в дороге, а мы, как бы нам ни было тяжело, могли это сделать.

К. Иванова мы положили в оборудованный для больных при заводской поликлинике подвал, в надежде, что его удастся спасти.

За три месяца до того, в сентябре 1941 г., когда дядя Костя выходил из трамвая на площади Стачек, рядом с ним разорвался немецкий снаряд. Но тогда он чудом уцелел. От осколков его заслонил случайно оказавшийся рядом мужчина. На работу К. Иванов пришел совершенно потрясенный. Волосы у него были взъерошены, пальто залито кровью убитого прохожего. Но самого его даже не поцарапало. Мы тогда дружно решили, что жить ему долго. К сожалению, примета не оправдалась, через сутки нам сообщили из поликлиники, что дядя Костя умер. Было это в ночь под 1942 год. Сколько времени прошло, а я и теперь с болью в сердце вспоминаю слова врача: "Если бы он принял стакан горячего сладкого чая, мог бы и очнуться". В письме детям К. Иванова, посланном с нарочным, мы написали: "Ваш отец погиб смертью храбрых, защищая Родину!"

Подобно К. Иванову остались в цехе ночевать и больше не проснулись рабочие: Н. Гаврилов, В. Милованов, С. Яковлев, К. Шаронов, И. Шашков, В. Степулев. Многие кировцы умерли в пути между заводом и домом. Так погибли рабочие Ф. Брянцев, Н. Николаев, К. Волков, К. Ловягин, Я. Пастусенков, М. Бусов, Н. Тимофеева, Н. Лаврухин. Об их смерти мы, как правило, узнавали лишь спустя некоторое время.

* * *

В тяжелые декабрьские и январские дни дирекция, партийная организация завода делали все возможное для спасения людей. Од-

ной из мер была организация стационаров. В одну из первых партий больных комиссия сочла нужным положить на 10 дней и меня.

Стационары представляли собой что-то вроде лазарета. При назначении в него сдавались продовольственные карточки. Стационар от ново-чугуннолитейного цеха был организован в бывших помещениях планового отдела и бухгалтерии силуминового цеха, где между отделами были сняты перегородки. Образовавшийся большой зал выходил на северную сторону цеха так, что при артиллерийских обстрелах это помещение было менее опасным. В зале было поставлено 15 коек. Свет проникал сюда днем через замерзшие окна, а с наступлением темноты горели коптилки. В центре зала стояла буржуйка, трубой выведенная в окно. Дрова для нее приносили из разбитых и опустевших цехов. Среди них попадались крашеные доски, разбитые двери, рамы. Буржуйка не могла дать всему залу равномерного тепла, хотя и топились круглые сутки, поэтому, кроме одеял, приходилось набрасывать на себя и свое пальто. Кто мог, садились возле буржуйки погреться, поговорить. Истощенных людей особенно тянуло к теплу. Возле буржуйки можно было наблюдать, как мучительный голод заставляет людей думать и говорить больше всего о пище, делиться воспоминаниями о любимых и нелюбимых блюдах. Все, кто здесь лежал, были сильно истощены, много потеряли в весе. Лица лежавших в стационаре были, как правило, бледно-землистого цвета. Тогда было трудно встретить человека с румянцем на щеках, если такой и встречался, то к нему относились подозрительно: "Как он так мог сохраниться?"

У истощенных людей под глазами были мешки, позже я узнал, медики это явление называют "белковым отеком". Почти у всех лицо настолько высохло, что скулы торчат остро. При отсутствии мышц на ягодицах дистрофикам было тяжело сидеть на жестком стуле. Движения у них, как правило, были замедленные. Иногда было трудно определить, сколько человеку лет?

Лечили в стационаре питанием чуть более калорийным, чем по карточной норме, но это "чуть-чуть" ценилось на вес жизни. Пища раздавалась больным под наблюдением врача. К обеду давалось 25 граммов белого и 25 граммов красного подогретого вина. Давали укрепляющие витамины — хвойный настой, приготовлявшийся здесь же на заводе.

Со стороны администрации и врачей чувствовалось заботливое отношение к больным. Стационарам придавалось очень большое значение. Их часто посещали не только администрация завода, но и

представители городских и партийных организаций. Хотя в стационаре были случаи, когда до предела истощенные люди все-таки умирали, тем не менее стационар многих подкрепил и вернул к жизни. Об одном из умерших в стационаре мне бы хотелось рассказать.

Это был наш формовщик Логинов. Положили Логинова в стационар вскоре после меня. Его то ли привезли на санках, то ли привели под руки из дома, сейчас точно не помню. Тогда и такое бывало. Если человек несколько дней не появлялся на заводе, к нему посылали человека убедиться, в чем дело. Если он не в силах был дойти до завода, тогда посылали за ним несколько человек с санками и привозили в стационар.

Логинов был высокого роста, со слегка седеющими волосами. Это был некогда крепкий мужчина, как говорят "косая сажень в плечах". Теперь же во всем его облике был виден страшный отпечаток голода. Люди такой комплекции, как я уже говорил, скорее других подвергались истощению. Проживал Логинов по соседству с заводом с женой и десятилетней дочкой Таней. Ее пропускали к отцу в стационар. Девочка носила косички, на ее исхудавшем личике вырисовывались острые скулы и подбородок.

Каждый раз отец этому хрупкому существу оставлял кусочек сухарика, высушенного им на буржуйке. Тогда, не знаю чем объяснить, не думаю и теперь, чтоб это было полезно, люди свою пайку хлеба при возможности старались порезать на мелкие кусочки и превратить их в сухарики. Таня, похрустывая сухариком, рассказывала отцу о домашних новостях. Логинова при этом разговоре особенно интересовало здоровье матери, которая, как я уже понял, не вставала. Так продолжалось несколько дней. Последний раз Таня пришла к отцу позже обычного, Логинов в этот день особенно волновался, смотрел каждый раз на открывавшуюся дверь. Наконец дочь пришла и, бросившись на грудь к отцу, сообщила ему о смерти матери.

Как ни странно, но мне показалось тогда, что Логинов выслушал эту страшную весть удивительно спокойно, без всяких внешних эмоций. Стал, не торопясь, успокаивать дочь, давая ей советы куда надо идти и что делать, и что все будет хорошо. Поговорив с ней не более обычного, отдал приготовленный сухарик, поцеловал, провожая ее взглядом, пока она не скрылась за дверью.

В этот морозный декабрьский вечер была метель. Порывы ветра со снегом били в стены и окна. Я мысленно представил Таню, идущую по заснеженной и малолюдной территории завода. Я задавал себе

вопросы: Куда она шла? Кто ее встретит? Ждут ли ее там и останется ли она жива?

Логинов отвернулся к стене, поправил одеяло, как бы приготовился ко сну. Но видно было, что он не мог спокойно лежать. Я слышал, как он шепчет ругательства. До меня доносились отдельные слова: "Таня! Фашисты! Гады!" — и снова брань. Так повторялось несколько раз. Я хотел встать, успокоить его, но сосед по койке меня остановил: "Не надо, не мешай ему умереть". К утру Логинова не стало. Он лежал на спине, пережитое горе и ненависть запечатлелись на его суровом лице.

К этому времени я потерял уже многих близких мне товарищей, родных и знакомых. Они были все, в основном, молодые, любили жизнь и потерю их я каждый раз переживал по-своему глубоко. Но трагедия небольшой посторонней семьи тогда потрясла меня.

Всего несколько месяцев назад Логинов был богатырем. Он любил свою семью, профессию, свой завод. Работал на ручной формовке, а когда пришла война, перешел к нам в цех, встал к конвейеру. Трудился в тяжелых условиях, под обстрелами и бомбежками, голодал, недосыпал, отдавал все свои силы производству снарядов и мин. Он не думал о смерти, а когда она пришла, встретил ее, как и тысячи других ленинградцев, непокоренных и гордых.

Судьба его дочки мне неизвестна, но хочется думать, что она нашла своих родственников, к которым перед смертью посылал ее отец. Она не должна была погибнуть, она должна была выжить и дожидаться Победы!

КИРОВЦЫ НА ДОРОГЕ ЖИЗНИ

*Потомок, знай! В суровые года
Верны народу, долгу и Отчизне
Через торосы Ладожского льда
Отсюда мы вели Дорогу жизни,
Чтоб жизнь не умирала никогда.*

(Слова, высеченные на мемориале "Разорванное кольцо" у первого спуска автомашин на Ледовую трассу Ладожского озера).

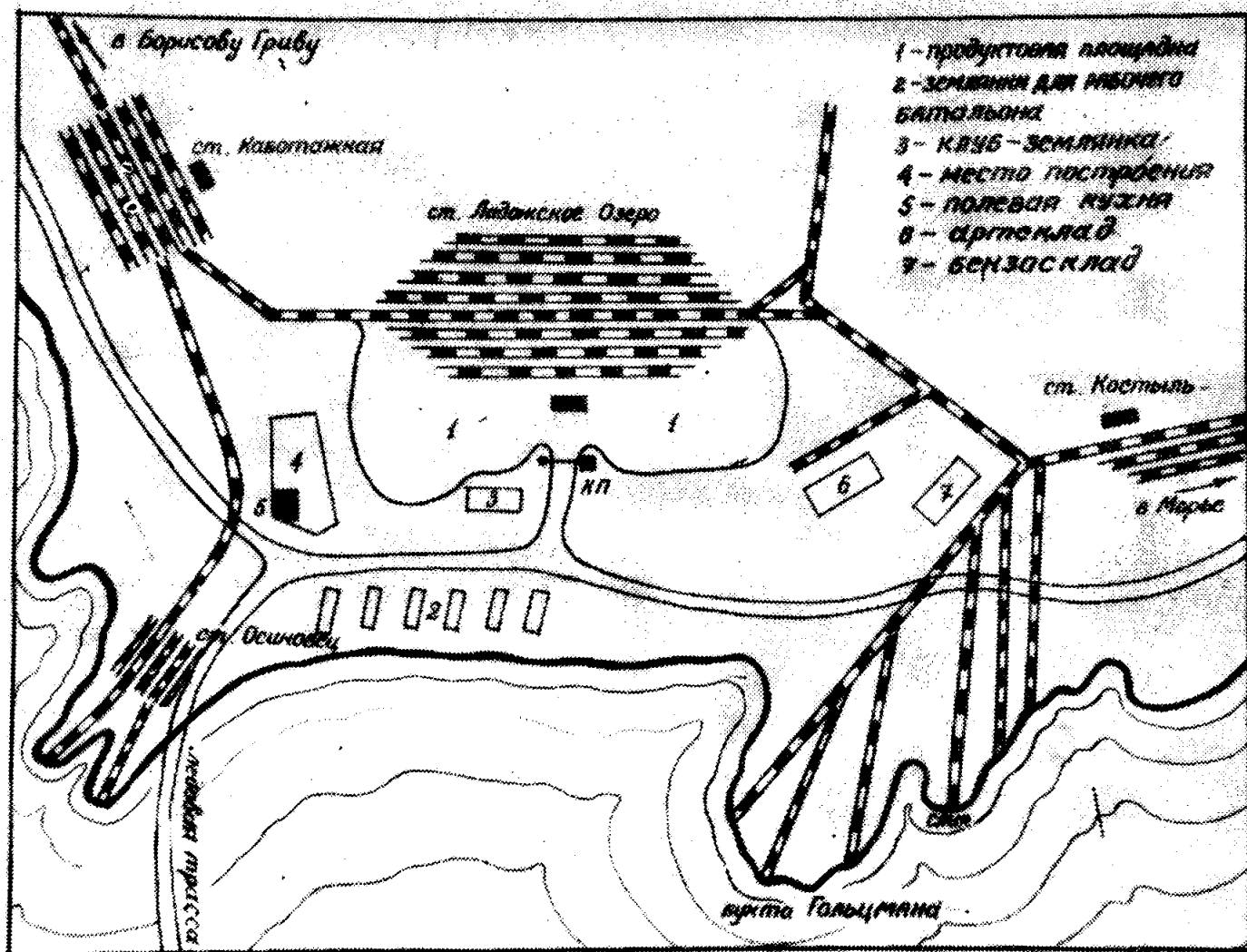
В начале февраля 1942 года для обслуживания ледовой трассы или, как ее позже стали называть, Дороги жизни, на заводе был сформирован отряд из 60 человек. В него отбирались люди, которые

могли бы показать пример в труде и высокую организованность. Среди его состава были не только рядовые рабочие, но и начальники цехов, их заместители, начальники отделов, мастера.

5 января 1942 года Ленинградский областной и городской комитет ВКП(б) и Военный совет Ленинградского фронта обратились с воззванием к личному составу Дороги жизни. В воззвании указывалось, что фронтовая дорога перевозит ежедневно не более третьей части грузов, необходимых для удовлетворения и без того урезанных до крайних пределов потребностей Ленинграда и войск. "Это значит, что снабжение Ленинграда и фронта все время висит на волоске, а население и войска терпят невероятные лишения".

К этому времени станция Ладожское озеро сделалась одним из ключевых звеньев Дороги жизни. Сюда с Большой Земли по ледовой

**Схема
Ладожского железнодорожного узла
в 1942 году**



трассе должно было поступать день ото дня все больше и больше грузов — продовольствия, боеприпасов, горючего. Чтобы не делать прогонов автотранспорта в Ленинград, а сосредоточить его усилия только на ледовой трассе, требовалась своевременная и бесперебойная отправка грузов в Ленинград железнодорожным путем. Профессия грузчика на Ладоге становилась самой массовой, почетной, необходимой.

Перед отправкой на Ладогу нас собрали в заводууправлении, где с напутственным словом выступил директор завода М. А. Длугач. Он уже был в то время уполномоченным СНК СССР и занимался вопросами эвакуации населения Ленинграда и фабрично-заводского обслуживания.

Директор рассказал о критическом положении в городе, на фронте и о том, что нас направляют на участок, где идет битва за хлеб, за боеприпасы, от которых зависит судьба города на Неве и жизнь его людей. "Хочу надеяться, — сказал М. А. Длугач, — что вы приложите все усилия к тому, чтобы оправдать оказанное вам доверие. Сделайте все от вас зависящее".

Руководителем отряда был главный металлург нашего цеха В. А. Кононович. Он в ответной речи заверил дирекцию и партийную организацию завода, что мы честным и самоотверженным трудом оправдаем доверие рабочего коллектива и будем верны трудовым и революционным традициям путиловцев-кировцев. Сбор отряда был назначен на 7 февраля на Фонтанке дом 90. Я шел туда из дома с улицы Герцена 9/13. Здесь у меня оставалась сестра Александра Васильевна Дьякова с малолетней доченькой Тоней.

Я помню, как в тот день в полутемной комнате догорал в печке мой дубовый стол, расколотый на дрова, а у открытой дверцы сидела сестра с высохшим бледно-землистым лицом, в пальто, прижав к себе дочку, и с безразличием смотрела на пламя.

В городе смерть продолжала собирать свой обильный урожай, и мне, когда я прощался с ними, трудно было поверить, что увижу их еще. По дороге на Фонтанку везде были страшные картины. Во дворе моего дома много дней лежал труп мужчины; развалившийся от бомбы дом 1/4 по Кирпичному переулку был скрыт лесами и обшит фанерой. Навстречу мне на Неву за водой шли истощенные люди с бидонами и ведрами. Стояли в снегу застывшие трамваи и троллейбусы, из некоторых окон домов торчали дымящиеся трубы "буржук". Несмотря на все обрушившиеся на него невзгоды город жил, в нем сохранялся гордый дух сопротивления, он был готов стоять до конца.

Дом 90 на набережной Фонтанки оказался трехэтажным зданием военных казарм. При казарме имелся громадный двор, служивший плацем для военных занятий. Там мы застали солдат маршевой роты в новом обмундировании, стриженных под машинку. Здание казарм было построено еще в конце XVIII века для лейб-гвардии Московского полка, отличившегося в первой Отечественной войне, особенно в Бородинском сражении. В числе его офицеров был тогда и молодой П. И. Пестель, будущий декабрист. Из этих казарм в декабре 1825 года братья Михаил и Александр Бестужевы вывели восставший Московский полк на Сенатскую площадь.

В 1917 году Московский полк перешел на сторону революции. Теперь же здесь для оправки на фронт формировались воинские части из солдат и офицеров, направленных сюда из госпиталей, военкоматов и добровольцев. Нас разместили в одной из казарм, где была произведена проверка списка и наших документов. Сюда принесли и военное обмундирование. Поскольку мы отправлялись на Ладогу временно, нам выдали обмундирование, бывшее в употреблении, выцветшее от времени и стирки. Не стали нас и стричь под "нулевку". Переодеваться было приказано идти в баню, хотя в бане был лед и не было воды. После этого нас повели в столовую, находившуюся в полуподвальном и полутемном помещении с большими столами. Нам дали по миске супа и большую порцию гречневой каши с душистой свиной тушенкой. Мне казалось, это был самый вкусный обед в моей жизни. Вот уже прошло более сорока лет, за это время я ел много разных вкусных блюд (и они мне не помнятся), но тот обед я и теперь помню, особенно кашу и ее запах.

Под вечер, когда стало уже темнеть, подошли машины ЗИС-5. Мы сели в грузовики, прижавшись один к другому. Нас предусмотрительно накрыли огромным парусиновым пологом. Он и спас многих из нас, так как была метель и сильный мороз, а шофер нашей автомашины во Всеволожской сбился с пути. Мы долго блуждали. За это время двое наших товарищей умерли. Тела их пришлось оставить для захоронения в какой-то деревне, кажется, Романовке.

На станцию Ладожское озеро мы приехали лишь поздно ночью. Передрогшие на морозе и просидевшие всю дорогу в неудобном положении, мы с трудом вывалились из кузова машины. Поместили нас временно отогреться в агитземлянку, или как мы ее потом называли, в "клуб".

Это сравнительно с другими жилыми землянками было большое продолговатое помещение, слегка врытое в землю и сверху закрытое

землей. Находилась она по дороге от станции справа, не доходя поворота к маяку Осиновец. Сейчас на этом месте громадный овраг, образовавшийся в результате выборки песка для возведенного рядом "Холма славы".

Плотно набившись в агитземлянку мы согрелись, после тяжелой дороги в ней казалось даже уютно. Горела керосиновая лампа, освещающая небольшую сценку. На стене висели плакаты, написанные рукой посредственного художника. Один из них запомнился мне — "Ваших трудов Родина и Ленинград не забудет никогда". А. Жданов.

Уставшие и озябшие, мы так сидя и уснули. Как только рассвело, раздалась команда выйти на улицу. Метель улеглась, было морозное утро. Перед нами предстала изумительная по красоте картина — вокруг высокие заснеженные сосны и над ними, гудя, кружат наши патрульные самолеты. У небольшого красного деревянного вокзальчика в ожидании разгрузки стояло несколько автомашин с мешками. Около них сустились люди. Здесь за время блокады Ленинграда разросся порт и появилось несколько новых железнодорожных станций, составивших так называемый "Ладожский железнодорожный узел". Пока не замерзла Ладога, узел напряженно работал по эвакуации оборудования, ценностей и населения Ленинграда. С Большой земли сюда прибывали пароходы и барки с грузами, необходимыми для осажденного города. Среди вновь построенных станций были Каботажная, которая находилась в двух километрах от станции Ладожское озеро, служившая в основном для пассажирских эвако-перевозок и имевшая два разъездных пути.

Около бухты Гольцмана в трех километрах севернее станции Ладожское озеро была построена станция Костыль, пути ее уходили к пирсу, оборудованному мощными кранами. Еще дальше, в двух километрах около бухты Морье, станция Болт, для перегрузки нефтепродуктов и угля. А вблизи маяка Осиновец была построена железнодорожная станция Осиновец, пути ее на двух пирсах уходили далеко в озеро. Сама станция Ладожское озеро вместо довоенных четырех путей имела теперь их более двадцати.

Нас разместили в землянках, вырытых среди высоких сосен, напротив вокзала и на самом берегу озера. Ладога предстала перед нами как бесконечная, уходящая вдаль равнина, покрытая снегом необыкновенной белизны. Слева от нас в нескольких километрах был виден зеленый мыс. Он далеко вдавался в озеро. На нем из густого леса поднимались вверх купола церкви. Это было село Морье с одноименной бухтой. Справа, метрах в трехстах, возвышался над озером

и лесом красавец Осиновецкий маяк. Я невольно представил, каким тихим был этот живописный уголок до войны, тогда его посещали лишь туристы, грибники да любители рыбалки. Теперь же, волей войны, он превратился в место зенитных орудий, с шумным потоком автомашин и многоголосым гомоном людей, одетых в военную форму.

Все землянки, в которых мы разместились, были построены фундаментально, видимо, еще осенью, специалистами стройбата. Деревянные дощатые двери для тепла были обшиты мешковиной, к ним вело вниз несколько ступенек. Стены и низкий потолок землянки от курева и печки были закопчены, пахло рабочей одеждой, на полу разбросаны окурки. Видимо, только что до нас здесь жили такие же, как и мы, "постояльцы". Не успели бросить на нары вещевые мешки и осмотреться, как была дана команда "все наверх, стройся". Мы почти все были сугубо гражданские люди, многие кировцы имели бронь и не служили в армии. Здесь же впервые, в военной форме не по размеру и сидевшей мешковато, казались мы все одинаковыми и первые дни с трудом узнавали друг друга.

Командиром взвода к нам был назначен младший лейтенант Нестеренко. Он был прислан на Ладогу из батальона выздоравливающих, левую руку после ранения носил еще на перевязи. После команды "Смирно!" и переклички он доложил о нашем прибытии старшему лейтенанту, ставшему командиром нашей роты, фамилии его не помню. Этот человек носил в петлицах три кубаря, ремни через плечо, пистолет, свисток. Ему было лет за пятьдесят, с длинными русыми усами, подвижный и шумливый, как оказалось позже, был добрым и уважаемым нами человеком. Показав рукой на станцию, командир роты сказал: "Сейчас весь автомобильный транспорт с ледовой трассы будет ходить не в Ленинград, как это было раньше, а будет разгружаться сразу же здесь. Наша задача независимо от времени суток и погоды вовремя его разгружать. А когда будут прибывать вагоны-порожняки, надо быстро загружать их для отправки в Ленинград". Привел пример: каждый мешок муки, отправленный в Ленинград, это однодневный паек для тысяч ленинградцев.

В эти дни вновь строящаяся железная дорога подходила к деревне Кобона, что на восточном берегу Ладожского озера, и оборачиваемость автотранспорта должна была резко возрасти. Шоферы могли теперь делать в день по два и по три рейса через Ладогу.

После разговора с командиром нас сразу же разбили на бригады. Вместе с десятью товарищами меня послали на продовольственную

площадку. Ее территория простиралась вдоль железной дороги от вокзала в обе стороны на несколько сот метров. Площадка была обнесена колючей проволокой, с караульными на вышках. Под открытым небом здесь беспорядочно грудились штабеля из всевозможных ящиков и мешков. Тут были бочки с рыбой, с повидлом. На снегу лежали кучи соли. Бросилось в глаза: рядом с двухметровой тушей белуги лежала убитая осколком лошадь — тоже продукт питания.

Нам предстояло грузить мешки с мукой из штабелей в вагоны. И сейчас мне этот день на трассе хорошо помнится. Нас радушно встретили работающие здесь опытные грузчики, прибывшие с Большой земли. Они были запылены мукой, на головах башлыки из мешков. Мешки с мукой таскали свободно и брали их на плечи ловко. Узнав, что мы ленинградцы — а о ленинградцах они, видимо, много слышали — стали нас с интересом расспрашивать, о бомбежках, об артобстрелах, как выглядит город и правда ли, что там многие умирают от голода. Когда я сказал, что у меня из двенадцати родичей погибло пять (к концу 1942 года всего их погибло восемь, но об этом я узнал позже), мне искренне посочувствовали. Да и наш вид говорил сам за себя. Многие из нас были настолько истощены, что не могли поднять мешок, нередко его тащили вчетвером. Нам, в основном молодым ребятам, неловко было перед опытными грузчиками за свою немошь. В первый же день своего приезда на Ладогу мы, по существу, мало что сделали, а ехали сюда, чтобы сделать многое. Мне невольно представился наш директор перед отправкой нас на Ладогу, его слова, спокойный тон, неулыбающееся лицо и спокойный уверенный голос: "...Вы посылаетесь на ответственный участок фронта, где идет битва за хлеб, за боеприпасы... Вы покажете пример... Я на вас надеюсь". И ответное уверенное слово Всеволода Антоновича от лица отряда. А получилось так, что в первый день нам было тяжело смотреть друг другу в глаза.

Вернулись мы в землянку необычно молчаливые, разговоры не клеились, стали располагаться ко сну на дощатых низких нарах, устроенных вдоль всей землянки по обе стороны.

Мы — тридцать человек — смогли улечься на нарах в одежде только боком. Под голову клали вещевые мешки, а шинелью накрывались или клали под себя. В землянке было маленькое оконце, выходящее прямо на дорогу. Из него был виден вокзал и прибывающие с грузом автомашины. Возле окна стояла тумбочка-столик. В землянке было сравнительно тепло, топилась плита, выложенная из кирпича с трубой наверх. Правда, когда открывалась дверь, то вместе

с морозным воздухом, стелющимся понизу седой пеленой, в землянку врывалась и снежная пыль, обжигая наши разутые ноги. За плитой следили дневальные, позже дежурных назначали обычно из числа больных. Печурка дарила нам благодатное тепло, около нее мы сушили рукавицы, валенки, портянки. Большинство из нас курило и в густом дыму был едва виден огонек немудреной коптилки, сделанной из гильзы малокалиберного снаряда. Коптилка кое-как освещала наше всегда полутемное помещение. От нее можно было и прикурить, в то время спичек уже не было. Многие были вынуждены обзаводиться огнивами. Это допотопное приспособление состояло из хлопкового фитиля, куска плоского напильника и кремневого камня. Узкой гладкой частью напильника надо было ударить по кремню так, чтобы искры попали на обгорелый кончик фитиля, а затем осторожно раздуть огонек и зажечь от него бумажку или лучинку. Так делали, чтобы засветить коптилку или растопить плиту. Закурить можно было и от тлеющего фитиля. Добыть огонь при помощи огнива было делом непростым. А коптилка всегда была под рукой. У коптилки технолог нашего цеха П. Шорников, ставший нашим политинформатором, умудрялся читать из "Боевого листка" сообщения о положении на фронте.

В то время под Красным Бором и Невской Дубровкой шли тяжелые бои. В один из дней нашего пребывания на Ладоге даже прошел слух, что нас хотят вооружить и бросить на Невскую Дубровку. Но вернусь к утру второго дня нашей работы на озере. В шесть часов, как было заведено, раздалась команда дневального "Подъем!". Все зашевелились и потянулись к печке за обувью. Однако двое из работавших накануне на переноске муки не поднялись с нар — они были мертвы. Тяжело было вторую ночь подряд терять товарищей. К сожалению, эти потери были не последними.

В то утро командование, видя, что мы не можем еще нормально работать на погрузке муки, послало нас на артиллерийский склад.

Артиллерийский склад находился в лесу, по дороге к бухте Гольцмана, в двухстах метрах от наших землянок. Надо сказать, что и теперь эта часть леса в народе сохранила свое название "артсклад". Здесь мы разгружали снаряды с автомашин в штабеля. Ящики были легче, чем мешки с мукой, их удобно было брать за специальные ручки. Так мы упорно осваивали новую для себя профессию грузчиков.

Выдавали нам фронтовой армейский паек, но из-за истощенности наших организмов и физической работы на морозе этот паек был

недостаточен. У многих от пережитого голода появились такие болезни, как цинга, отеки ног, желудочные и другие болезни. Тем не менее, постепенно наш организм набирал силы. Прибывшие с нами на Ладогу медики из заводской поликлиники делали в меру сил все возможное для поддержания нашего здоровья: заготавливали хвою, варили хвойный отвар, следили за его приемом. И все же из-за отсутствия нужных лекарств и должного питания, тяжелой работы, неустойчивости быта смерть унесла многих наших товарищей.

Осталась в памяти кончина уважаемого всеми рабочего-шпательника С. М. Богданова. Этому общительному человеку, носившему большие русые усы, было лет за сорок. Накануне смерти, видимо, чувствуя ее приближение, он часто вспоминал сына и жену, оставшихся в Ленинграде. Запомнились мне не раз сказанные им слова: "Эх, ребятки, жизнь-то какая будет после войны!"

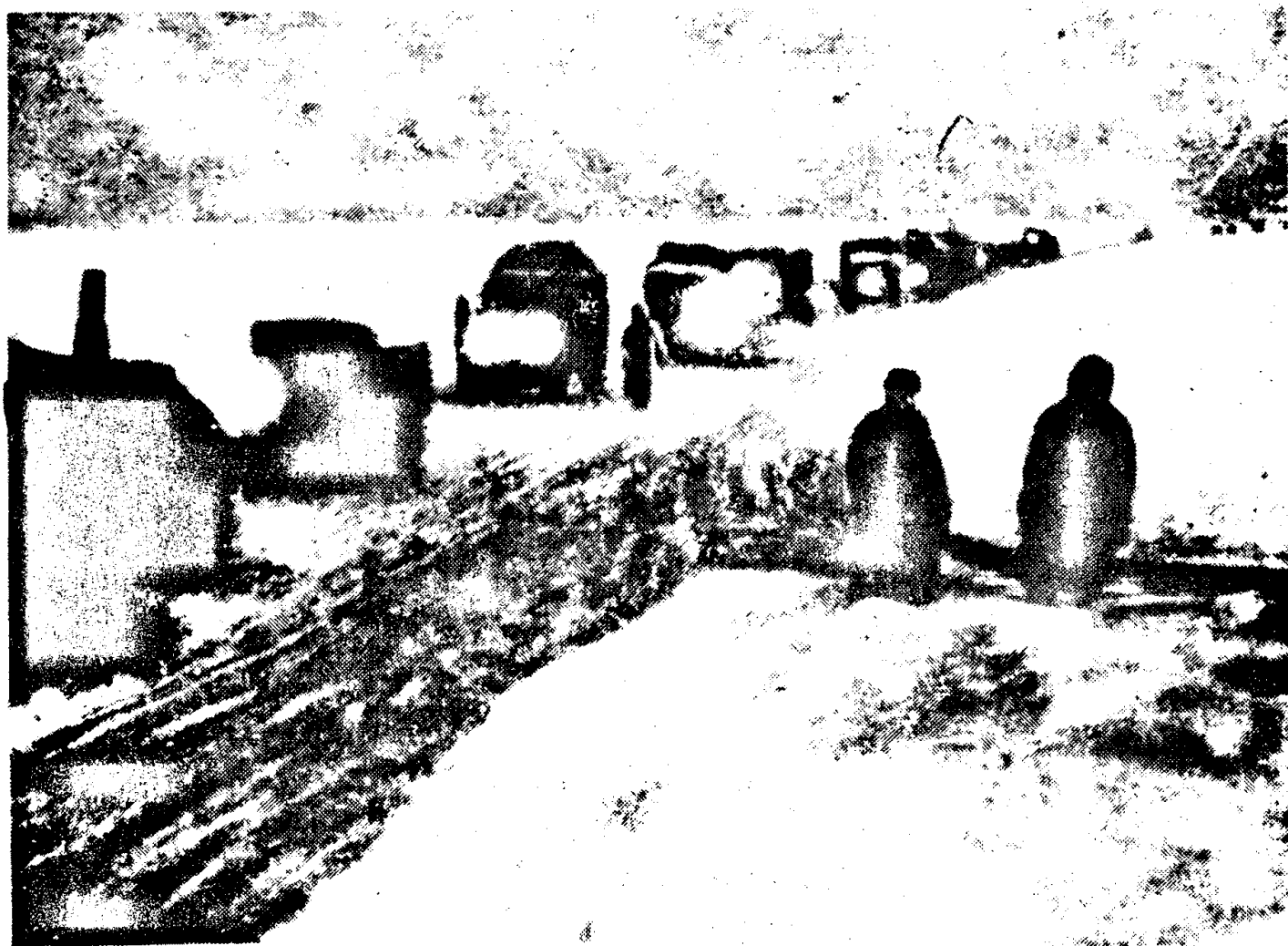
Вот прошло почти полвека со времени нашего пребывания на Ладоге, за эти годы я часто вспоминал С. М. Богданова, а когда начал писать эти строки, решил разыскать кого-либо из его родичей и узнать о нем побольше, рассказать им о его смерти и месте захоронения.

В заводском архиве мне дали его довоенный адрес: улица Дзержинского, 31, где мне открыла дверь престарелая женщина, убеленная сединой, оказавшаяся вдовой Богданова.

В небогатой, но уютно убранной комнате на стене висело ее фото, фото еще молодой красивой женщины, в военной форме с несколькими медалями на груди. Рядом с ней висела фотография молодого мужчины, в котором я сразу узнал С. М. Богданова.

Богданова рассказала мне, как они жили перед войной и во время войны. Эта женщина, одна из многих, у которой война отняла самое дорогое — мужа и единственного двенадцатилетнего сына, погибшего при эвакуации из Ленинграда в вагоне от пули вражеского летчика. Похоронив в дороге сына, Богданова не поехала дальше; ехать теперь ей было некуда да и незачем. Она решила уйти в армию, мстить за своих близких.

Грузы шли в Ленинград день ото дня возрастающим потоком. Ежедневно по ледовой трассе двигались тысячи автомашин. Водители делали по несколько рейсов в сутки по весьма опасной фронтовой магистрали. И угрожали им не только постоянные нападения вражеской авиации. На девятом километре пути лед на Ладоге был очень ненадежным. Там часто образовывались торосы и разводья, и машины, нередко вместе с грузом, а иногда и с людьми уходили под лед. В



На ледовой трассе была отменена светомаскировка.

начале работы Ледовой трассы автомашины ходили в ночное время с затемненными фарами, это снижало их производительность и увеличивало количество аварий. По этим причинам было принято рискованное решение: отменить светомаскировку автомашин при движении на Ладоге. Автомашины, по существу, пошли открыто на глазах врага, только при выходе автомашин на берег к складам соблюдалась светомаскировка. На Ледовой же трассе автомашины шли с полным светом. Бывало, ночью выйдешь из землянки, посмотришь на Ладогу, огни на ней светят как на невском в мирное время.

Пришедшие с Большой земли автомашины с грузом на склад должны были быстро разгружаться по графику за пять-шесть минут. Росли штабеля всевозможных грузов. Иногда перегружали грузы прямо с автомашин в вагоны. На железнодорожных путях действовали юркие мотовозы, они подавали порожняк. На погрузку каждого вагона отводилось определенное время с учетом характера груза и расстояния его переноски, а иногда давались работы и на "урок".

За всем этим следили диспетчеры, весовщики. Как правило, к вагонам приставлялись широкие сходни, по ним мы цепочкой шли с грузом. При необходимости выделялись навалыщики, они подавали груз на плечи или ставили его так, чтобы было удобно брать. Работа спорилась. Двухосные вагоны тогда загружались довольно быстро, мотовозы отвозили их на соседние станции, где формировались эшелоны, или на специальные пути в густом лесу. О ходе работ сообщалось в "молниях", в боевых листках, на досках с показателями работ. Плакаты напоминали: "Ладожец, помни, Ленинград ждет боеприпасы и продовольствие". Или: "Ваших трудов Родина и Ленинград не забудут никогда".

Трасса жила днем и ночью, погрузо-разгрузочные работы на ней не прекращались ни в мороз, ни в пургу и вьюгу. Каждый делал свое дело, выполнял свой долг. Иногда рабочий день достигал шестнадцати часов.

В связи с этим хочется привести слова, написанные Александром Фадеевым в своем дневнике: "Дорога Жизни — это дорога Героев, заключивших между собой великий союз братства, братства тысяч и тысяч людей: водителей, летчиков, грузчиков, регулировщиков, работников ЭПРОНа, работников медицины — великий союз братства по спасению Ленинграда".

Кроме продплощадки и артсклада, недалеко от бухты Гольцмана, в лесу было еще обособленное место для бензосклада. Как-то, уже весной, под вечер, в результате налета немецкой авиации здесь возник пожар, среди множества рядов бочек с горючим взметнулись вверх громадные языки пламени. Нужно было спасать горючее в неповрежденных бочках. Наш отряд на этом складе никогда не работал и входить туда мы не имели права. Но все, кто был в этот момент недалеко, бросились на помощь. Откатывали неповрежденные бочки от горящих. Большую часть горючего удалось спасти.

Почти ежедневно мы видели над заснеженной Ладогой и станцией патрулирующие самолеты, а иногда и воздушные бои. Воздушные бои нам приходилось видеть и над Ленинградом, тем не менее это зрелище каждый раз притягивало всех. Иногда, забыв об опасности, бросив работу, выбегали на открытое место подальше от высоких сосен, с тем, чтобы посмотреть на захватывающую картину воздушного боя. Затаив дыхание, с каким-то странным чувством, в котором был и спортивный азарт и любопытство, и в то же время ужас, наблюдали мы за поединком двух групп самолетов. Они сражались в небе не на жизнь, а на смерть. Рев и гул моторов то нарастал, то затихал.

Трещали пулеметные очереди. Истребители, преследуя друг друга, то круто поднимались вверх, оставляя за собой как ленты белые струи выхлопных газов, то опускались настолько низко, что можно было различить их опознавательные знаки, при этом они совершали такие маневры, что дух захватывало. Как правило, бой заканчивался падением одного или нескольких самолетов. Подбитая боевая машина падала, волоча за собой быстро увеличивающийся шлейф серо-черного дыма.

Место построения нашего батальона находилось справа от дороги, что вела от землянок к маяку Осиновец. Здесь была большая заснеженная поляна, видимо, огороды жителей Осиновца или станционных служащих. Тут стояла наша походная кухня и, можно сказать, здесь и была наша столовая.

То, как будут сыты грузчики, во многом зависело и от нашей кухни. Поэтому поварами туда были поставлены два наших замечательных товарища. Это старший мастер механического цеха № 10 Бунин А. И., он был еще молодой, но уже награжден двумя правительственными орденами. Теперь Александр Иванович награжден и орденом Ленина. Вторым поваром был технолог нашего цеха, герой Гражданской войны, с боевым орденом Красного Знамени Иванников М. Я. В их обязанности входило: к 7.00 сварить кашу, да так, чтобы она не подгорела, что иногда все-таки случалось, к сожалению. Кухня работала на дровах, заготовленных ими же. За утренней и за вечерней кашей мы с котелками могли ходить без строя и съедать ее на нарах в теплой землянке.

Каждое утро дневальные нам приносили со склада по три стандартных ржаных сухаря на день, по 25 граммов сахара и по 50 граммов спирта. Сахар, иногда и табак, приходилось делить следующим образом: раскладывали кучками на газете по количеству людей. Потом один из нас отворачивался спиной к сахару, а другой показывал на порцию рукой, говорил: "Кому?" Тот должен был назвать фамилию того, кому эту порцию отдать, и так далее. Такая дележка считалась без всякой обиды, каждый получал, что досталось.

На обед был положен час времени. Со складов к походной кухне мы шли примерно с 12—13 часов. Все зависело от состояния работ. Если надо было вагон догрузить и на это требовалось немного времени, то обед задерживался. Шли на обед строем. У шлагбаума, который находился метрах в пятидесяти по дороге от вокзала (теперь на этом месте стоит третий по счету осветительный столб) тогда находился контрольно-пропускной пункт (КПП).

У шлагбаума стояли двое вооруженных солдат в форме войск НКВД. Наш старшина докладывал им, что мы идем на обед. Солдаты, прежде чем нас пропустить, делали у нас обыск, который проводился тщательным образом. Вначале солдаты ощупывали каждого из нас обеими руками спереди с плеч до ног, а потом так же сзади, после чего молча, рукой отправляли вперед, за шлагбаум. Это делалось каждый раз, когда мы возвращались с площадки.

У походной кухни мы получали в котелок положенные порции супа и каши, их повара ловко и быстро отмеряли черпаком. Дружно постукивая ложками по котелкам, мы съедали обед, сидя на бревне, на краю канавы или на пне. При той тяжелой работе, которую мы выполняли на морозе, порции были малы, а еда недостаточно калорийна. Это и дало повод к появлению шуточной частушки:

Котелок мой, котелок,
Друг ты мой походный,
Без тебя я и с тобой,
Один черт, голодный!

Расправившись с обедом, многие в оставшиеся до конца обеденного перерыва минуты успевали сидя заснуть.

На этой поляне ежедневно утром, после завтрака, происходило построение батальона, создавались и распределялись на разные участки работы бригады. Здесь же зачитывались сводки Совинформбюро, объявлялись благодарности и приказы. Однажды в закрытой полуторке приехал на эту поляну военный прокурор с двумя автоматчиками, зачитал приговор военного трибунала, вынесенный молодому железнодорожному рабочему за кражу двух килограммов каши-концентрата. Его приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. А накануне трибуналом были осуждены двое рабочих. Они вскрыли банку со сгущенным молоком и съели из нее по ложке — их приговорили к восьми годам лишения свободы каждого.

Все были предупреждены: "За каждые похищенные 10 граммов продуктов — 9 граммов свинца". Это было жестоко, но эта жестокость была тогда вполне понятной. Защита Ленинграда требовала от каждого работника трассы трудиться честно и самоотверженно, не щадя сил и жизни.

Основная эвакуация ленинградцев на Большую землю осуществлялась тогда не только через станцию Борисова Грива, где были созданы необходимые условия для встречи, питания и дальнейшего перебрасывания эвакуированных на Большую землю. Эвакуация проводилась и через временно построенные станции: Каботажная,

находившаяся между станциями Ладожское озеро и Борисова Грива. Иногда эшелоны с эвакуированными подходили и к временной станции Осиновец.

В один из февральских дней нашу бригаду из девяти человек послали в район маяка Осиновец на валку леса. Он шел на ледовую трассу для латания трещин и постройку блиндажей. День был морозный, вдобавок к этому бушевала метель, холодный ветер пронизывал насквозь наши старенькие шинели и ватники. Шагая по сугробам, мы проходили мимо прибывшего эшелона, из него с трудом со своими пожитками выгружались ленинградцы. В основном это были женщины с детьми и престарелые люди, ослабевшие, с безжизненными, слегка припухшими лицами. Им оставалось теперь проскочить лишь небольшой, но сложный и опасный тридцатикилометровый ледовый путь, а там была их надежда — Большая земля, тепло и сытость. Зная это, все люди, по мере своих сил, торопились, с волнением выгружались из вагонов.

Видя эту картину, наш старший скомандовал: "Поможем, хлопцы!" Бросив топоры и пилы, мы начали выгружать вещи, переносить их к месту подхода автомашин. Многие из прибывших были настолько слабы, что сами не могли выйти из вагона.

В один из заходов я взял вещи молодой женщины, которая скорее была похожа на старуху. С ней был малыш лет пяти — шести. Выйдя из вагона на мороз, он заволновался. Я достал кусок сухаря от солдатской дневной пайки, дал ему, он его берет высохшими ручонками, а сам на меня смотрит полными слез черными глазами и говорит: "А ты, дяденька, не умрешь?" — "Не умру, ешь!".

Прошло много времени с тех пор, но проезжая на Ладогу мимо памятника блокадным детям "Цветок Жизни", я каждый раз вспоминаю и того, укрытого в материнскую шаль чумазого мальчонку. Жив ли он? Эта встреча заставила нас еще раз по-настоящему оценить страдания и муки ленинградцев, значение своей работы.

Однажды мы были обрадованы, увидев наш Кировский танк КВ, подошедший к спуску на озеро. Машина была выкрашена в белый цвет, а башня у нее была снята. Из корпуса танка были видны члены его экипажа. Танкисты приветливо с нами заговорили. Узнав, что мы кировцы, похвалили машину: "Таких бы побольше надо!"

Танк укрылся в сосняке в ожидании темноты, чтобы сделать бросок на восточный берег. Недалеко от места, где остановилась боевая машина, саперы построили основательный бревенчатый спуск

с берега на лед. За ним шла расчищенная полоса танковой трассы, по бокам ее уходили вдаль вежи-козелки.

Мы были изумлены, не верилось, что 50-тонная машина могла, не проломив льда, проскочить на восточный берег, причем надо было преодолеть и злосчастный девятый километр пути, где зачастую гибли автомашины. На наши вопросы о том, как им удастся преодолевать ледовую трассу, один из танкистов рассказал: "Впервые было страшновато, мы тогда не знали, достаточно ли окреп лед для этих машин. Но танки очень нужны фронту за блокадным кольцом и нам пришлось рисковать. А теперь лед стал более крепким. Видите? — показал он на громадные бревенчатые сани, — на них укреплена башня, она идет за нами на длинном тросе. Мы тщательно готовим машину к безостановочному переходу. У нас трасса своя и по одному и тому же пути два раза мы не ходим, а что касается трещин на девятом километре, то там дежурят наши связисты и по их знаку мы трещины обходим или преодолеваем с ходу".

Дни, пережитые на Ладоге, мало чем отличались один от другого: все те же на плечах мешки, кули, ящики, бочки. У нас не было выходных, лишь наряд на заготовку леса разнообразил нашу жизнь. Зная это, командование чередовало бригады на заготовке леса. Выполнив в лесу задание, мы, как правило, выкраивали время и на перекуры, иногда и на большее. Но это не значило, что мы вдоволь курили. С табаком на Ладоге было не всегда благополучно, хотя нам выдавали настоящую махорку. Кстати, от нее у тех, кто носил усы, они под носом становились рыжими, а пальцы, державшие самокрутки, желтыми, но зато от такого курева почти никто не кашлял.

Махорки выдавалось столько, что если ее экономно курить, могло бы и хватить. Но так как табак давали не всегда регулярно, то иногда возникали табачные "голодовки". В этих неприятных случаях, а они особенно были тяжелы при нашей однообразной нелегкой работе, условиях быта, душевных травмах, постоянных мыслях о погибших близких и родных, мы становились мрачными, неразговорчивыми, иногда казались беспричинно злыми.

Тогда на Ладоге я впервые узнал, что значит "сорок" у курильщиков. Появился этот обычай в среде, где привыкли помогать друг другу делиться с товарищами последним. А состоял он вот в чем: Когда у большинства товарищей уже кончался табак, а у кого-то он еще имелся, владелец табака, завертывая папироску, говорил: "Сорок". Этим он объявлял, что выкурит не более половины самокрутки, а остальное отдаст присутствующим. Окурок переходил из рук в руки

и каждый имел право сделать только одну затяжку. Под конец он становился таким коротким, что надо было держать его, как щипчиками, сломанной пополам спичкой или лучинками.

Да, табак тогда очень ценили и очень берегли. Вспоминается и другой случай на эту же тему. Как-то на улице я попросил у встречного солдата разрешения прикурить от его папироски. В ответ он достал огниво и высек для меня огонь. Когда я его спросил, почему он мне не дал прикурить от папироски, он удивился и сказал: "Разве ты не понимаешь, что если я тебе дам прикурить от папироски, то ты у меня украдешь одну, а то и две затяжки, а у меня вот эта, что держу в руке, последняя, и табака больше нет и когда еще будет — неизвестно". Я понял солдата, он был прав, дорожа тем, без чего в солдатской жизни нельзя было обойтись.

В лесу проводились и политинформации не без участия П. Н. Шорникова, завязывались беседы на разные темы. Говорили не только о событиях на фронте, о международном положении. Ставились и такие вопросы: много ли или мало всего того, что было отправлено с Ладоги для ленинградцев и фронта? Мы тогда не знали и не могли знать соотношение доставки с потребностью, но чувствовали по-своему, что отправлено много и должны быть созданы большие запасы, и такого голода, какой пережили ленинградцы, уже не будет больше. Мы были уверены, что теперь Ленинград восстановит и накопит силы для новых трудовых подвигов и решающих сражений на фронте.

В одном из подобных лесных перекуров неожиданно для многих из нас мы услышали русскую народную песню, причем в хорошем исполнении двух голосов. А песни уже так давно не было слышно, а тут — на тебе! — вдруг, да еще где — в лесу. Обернувшись, я увидел на срубленном хлысте дерева сидят два наших солдата, наши товарищи, со сбившимися набок шапками. Это были А. Ф. Благодиров, мастер ОТК, и слесарь Ф. И. Коновалов, они пели, да так, что мы все притихли, тогда не все знали, что Благодиров обладает неплохим лирическим тенором, а Коновалов — баритоном. Их голоса слаженно сливались вместе, песня, вызывая радость и грусть, плавно лилась по лесу. Кончив одну песню, они начинали другую, пели известные русские и советские песни и только что появившиеся новые военные. Они пели с душой, чувствовалось, что им было приятно петь, а мы были рады послушать. У многих из нас повлажнели глаза. Для нас этот день поистине был праздником. Как потом стало известно, наши певцы до войны все свое свободное время отдавали пению в заводском хоре и теперь, когда пишу эти строки, они оба живы, на пенсии, поют

в хоре ветеранов Кировского завода. Дают концерты в Домах культуры, на заводах, фабриках.

Хочется мне привести еще один случай из нашего быта. Он характеризует и условия, в которых мы жили, и обстановку товарищества, взаимного внимания друг к другу.

Было это в апреле. У меня разболелись зубы, возможно, сказалось влияние цинги. Я еще никогда не испытывал этой боли. Все зубы у меня до этого были здоровые и целые. А теперь на морозе болят, от горячего болят. Зубная боль мешала спать. Пошел к врачу. Лидия Николаевна ничем не могла помочь. Как теперь мне помнится, на Ладого у наших врачей было только два лекарства. От расстройства желудка — раствор марганцовки, а от цинги — самодельный хвойный отвар. Но помощь ко мне от зубной боли пришла совершенно неожиданно. В одну из ночей, уже было за полночь, когда все спали в землянке, ко мне тихо подошел слесарь А. Орлов, зная, почему я не сплю, сказал: "Давай я тебе помогу". Мне тогда показалось странным, чем он мне может помочь? Орлов взял коптилку, поднес ее к моему рту, стал щупать зубы. Оказалось, болел всего один зуб, который он и определил. Развернув свой вещевой мешок, Орлов достал из него толстые нитки, аккуратно отмотав их столько, сколько считал необходимым. Сложив нитку вдвое, на одном конце Орлов сделал искусно петлю, которую и накинул на мой больной зуб. Второй конец намотал на мою правую ладонь, общая длина нитки от зуба до кисти была примерно в полметра.

Он приказал мне голову поднять немного кверху, кулак с ниткой поднести к подбородку и с силой рвануть. Вначале я не решался это сделать, думал, ничего не получится, кроме еще большей боли, но посмотрев на его поредевшие зубы, вспомнил, с какой уверенностью и профессионализмом он подготовил эту "операцию", я поверил и изо всех сил дернул... Позже у меня много раз болели зубы, лечил их у врачей, удалял и без наркоза и с наркозом, но способ, которым я воспользовался тогда на Ладого, остался мне памятным на всю жизнь и больше я им, слава Богу, никогда не пользовался.

Между тем апрельское солнце быстро делало свое дело, с берегов талые воды стали бежать на лед. В колеях трассы, особенно у берегов, появилась вода. Колеи становились день ото дня все шире и глубже и наконец образовались сплошные водные каналы. Лед под ними слабел, ЗИСы, как тяжелые машины, снимались с трассы, ходили, в основном, полуторки с открытыми и снятыми дверцами. Машины как бы плыли в воде, где каждый метр пути, ставший невидимым для



Последние рейсы по ледовой трассе.

водителя, таил в себе опасность. После 20 апреля трасса несколько раз официально закрывалась, но продукты, жизненно необходимые для ленинградцев, такие, как лук, в котором нуждались больные цингой, были еще на восточном берегу. Рейсы снова возобновлялись. В это время у самого берега на льду было уже столько талой воды, что автомашины не могли выйти на берег.

Грузчики вынуждены были по пояс в ледяной воде грузить автомашины, стоящие поодаль от берега на трассе. Героический труд грузчиков последних дней Ледовой трассы фотокорреспонденты запечатлели на века.

Наконец 24 апреля ледовая трасса была окончательно закрыта. Были отгружены и последние вагоны продовольствия в Ленинград.

Опустел берег, не стало на станции Ладожское озеро привычного рабочего шума, попустели караульные будки, не стало КПП. Все куда-то разом исчезло. Было и грустно, и радостно одновременно. Мы, кировцы, 28 апреля вместе с рабочими завода "Электросила" и Металлический возвращались в Ленинград.



Итогом была загрузка автомашин далеко от берега.

Покидая Ладогу, мы тогда и не думали, что народ сохранит для потомков эти исторические места, освященные человеческим мужеством, что о героях Ладожской трассы будут писать книги и музыку, петь песни. Вместо деревянного небольшого вокзала станция Ладожское озеро будет построен большой, из стекла и бетона, напоминающий по своей форме Ладожский торос. При вокзале разместится музей железнодорожников "Дорога жизни". В нем будут храниться и документы кировцев, внесших свой посильный вклад в Дорогу жизни.

Рядом с местом, где были наши землянки, на самом берегу озера будет построен музей автомобилистов и моряков, с открытой музейной площадкой, на которой навечно будут поставлены легендарные автомашины — полуторка и ЗИС. Здесь же будет воздвигнут мемориал "Холм Славы", возле которого ежегодно, в памятные даты для Ленинграда и Дороги жизни будут проходить торжественные много-

тысячные митинги. А вдоль автомобильной и железной дорог, связывающих Ленинград с Ладожским озером, создадутся мемориалы и будут поставлены мемориальные километровые столбы, напоминающие о "Дороге жизни".

Наконец, мы не могли знать, что наши товарищи кировцы, девятнадцать человек, вместе с другими погибшими на Ладоге, будут перезахоронены на общем мемориальном кладбище в городе Всеволожске, на высокой Румболовской горе.

СНОВА НА ЗАВОДЕ

*Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.*

Георгий Орлов

С Ладоги в Ленинград мы возвращались поездом в пригородном пассажирском вагоне. Приятно было слышать, как паровик, пыхтя, набирает скорость. А на фоне зеленого хвойного леса в окнах нам мелькают телеграфные столбы, связанные между собой нитями бесконечных проводов. Провода то опускались, то поднимались к столбам, образуя сплошную бегущую цепь.

В лесу лишь островками белел снег, а на полях его не стало, вот-вот наступит весенняя пахотная пора, пора первой военной весны.

Настроение было приподнятое и возбужденное. Нам слышалось, как колеса вагона выговаривали: "Скорей домой, скорей домой, скорей домой..." Хотелось встретить родных, близких. Живы ли они? Все мы за них волновались. Пока я был на Ладоге, письма не получал. Как позже выяснилось, они скапливались в доме работника связи (будучи больным, он не мог разносить их по адресам и они были обнаружены после его смерти).

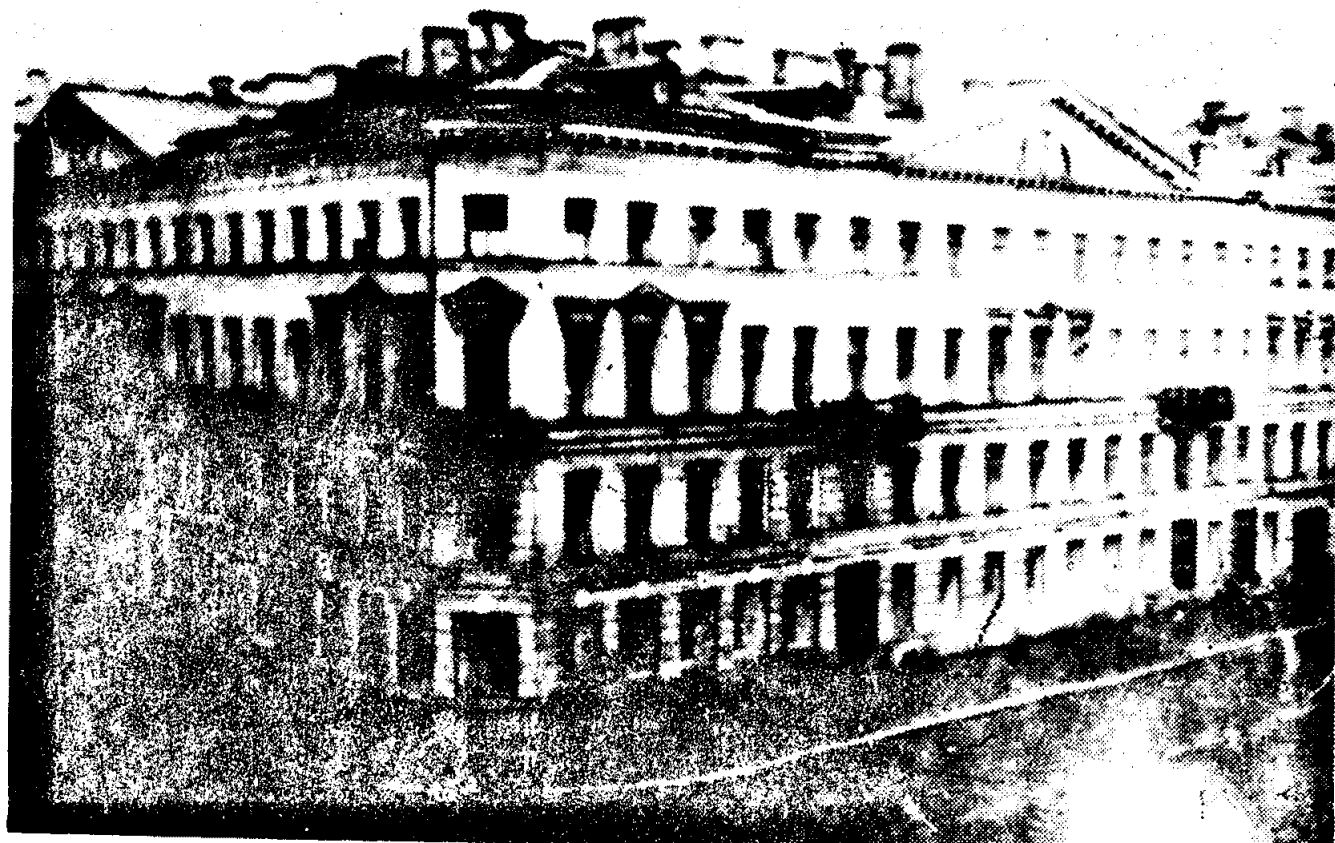
Хотелось скорей и на завод. Он от фашистов был, как тогда говорили, "в двух шагах", а о сдаче врагу небольших территорий или отдельных объектов не всегда сообщали в сводках Совинформбюро, а говорилось: "...На фронтах существенных изменений не произошло". А я привык к заводу и полюбил его не только за выпускаемую продукцию и его славную историю, но и за сложившийся десятиле-

тиями порядок, дисциплину. Представлял я его всегда таким, каким он был довоенным. Завод имел три проходных: Центральную, Калининскую и Газа. Через них утром, как через плотину, шли могучие реки людей, растворяясь на огромной территории завода — завода-труженика, завода-созидателя.

Цехи завода были соединены между собой железнодорожными путями, дымились на них и свистели юркие паровозы. Завод имел свой стадион, Дом культуры, поликлинику, везде чувствовалась его впечатляющая огромность, мощь и порядок.

Хотя мы в Ленинграде не были всего три месяца, но за это время, мы знали, от бомбежек, артобстрелов, пожаров и голода могло многое измениться. Так, перед нашим отъездом из ленинграда в январе и феврале шли пожары, горели большие и красивые дома, среди них такие, как на Лиговской улице, 107, Декабристов, 60/21 (угол проспекта Маклина). Этот дом было принято по его наружной отделке художественной керамикой называть "домом сказки". Кстати, эти оба дома после пожара и войны были заново перестроены. Дом на Лиговской улице 107 перестраивался военнопленными немцами.

Как тогда говорили, будто красивые дома жгли диверсанты, но чаще всего пожары, видимо начинались от временных печей—"буржуек", поставленных на деревянном полу. Пожарных машин и других технических средств пожаротушения уже не было, дома горели подолгу, огонь распространялся от квартиры к квартире, от этажа к этажу. Пожарники, если была поблизости вода, носили ее ведрами или засыпали пламя снегом, мебель и вещи выносили прямо на улицу. Вот почему я торопился посмотреть на мой милый старый дом на Невском, 13/9. Жил я там в большой коммунальной квартире. У нашей семьи были две, хотя и большие, но неудобные комнаты — одна проходная, отгороженная шкафами и ширмой. В довоенное время с жилой площадью было очень сложно, но мы к своему жилью привыкли и даже более того, я гордился своим домом за его историю. Построенный еще в начале прошлого века в стиле русского классицизма в старой части города, в литературе значится как дом Чаплина и находится под охраной государства как памятник архитектуры. Это, пожалуй, один из немногих старых домов в районе Невского, который сохранил свой первоначальный архитектурный облик. Правда, в ходе последнего капитального ремонта была изменена внутренняя планировка дома. Да вместо старых больших дубовых дверей стоят стандартные, такие, какие принято ставить в домах после их капитального ремонта.



Мой милый старый дом, Невский, 13/9.

В этом доме в 1817 году жил А. С. Грибоедов вместе со своим приятелем А. П. Завадовским. Завадовский поссорился из-за балерины А. И. Истоминой с В. В. Шереметьевым. Произошла дуэль, в ходе которой Завадовский был смертельно ранен. В ссоре между Завадовским и Шереметьевым был замешан и Грибоедов. Для него эта история кончилась посылкой на службу в Персию.

А там, где теперь стоят дворовые флигели, некогда была мастерская скульптора Э. Фальконе. Здесь около пятнадцати лет трудился ваятель над "Медным всадником", отсюда "Всадник медный поднялся на свой знаменитый пьедестал".

Здесь, в мастерской Фальконе, несколько раз бывал великий французский философ Д. Дидро. И много другого интересного помнят старые стены этого дома.

Ленинград нас встретил солнечным теплым днем. На Финляндском вокзале на нас смотрели с удивлением — откуда такие немытые прибыли? Мы были в стоптанных валенках, в шапках-ушанках, в засаленных шинелях и ватниках. Особенно были блестящими спины, на которых у каждого побывали сотни тонн всевозможных грузов.

Дома меня ожидали неприятности. В квартиру попал артиллерийский снаряд. Он проломил потолок, перегородку, пол и, не разо-

рвавшись, остановился во втором этаже. Я с ужасом и тоской рассматривал свою комнату, у перегородки, в метре от пробоины стояла детская кроватка Тони, над кроваткой по-прежнему висело фото ее отца. На полу разбросана штукатурка, с потолка торчали обнаженные рваные доски.

Хочется заметить, о таких неразорвавшихся снарядах ходили удивительные толки, будто бы их изготавливали в Германии люди, которые хотели чем-то помочь нам. В неразорвавшихся снарядах якобы находили даже записки, в них писалось: "Чем можем, тем поможем". Насколько это верно, утверждать не берусь, но неразорвавшихся снарядов я встречал немало. Один из них спас мне жизнь. Об этом расскажу ниже.

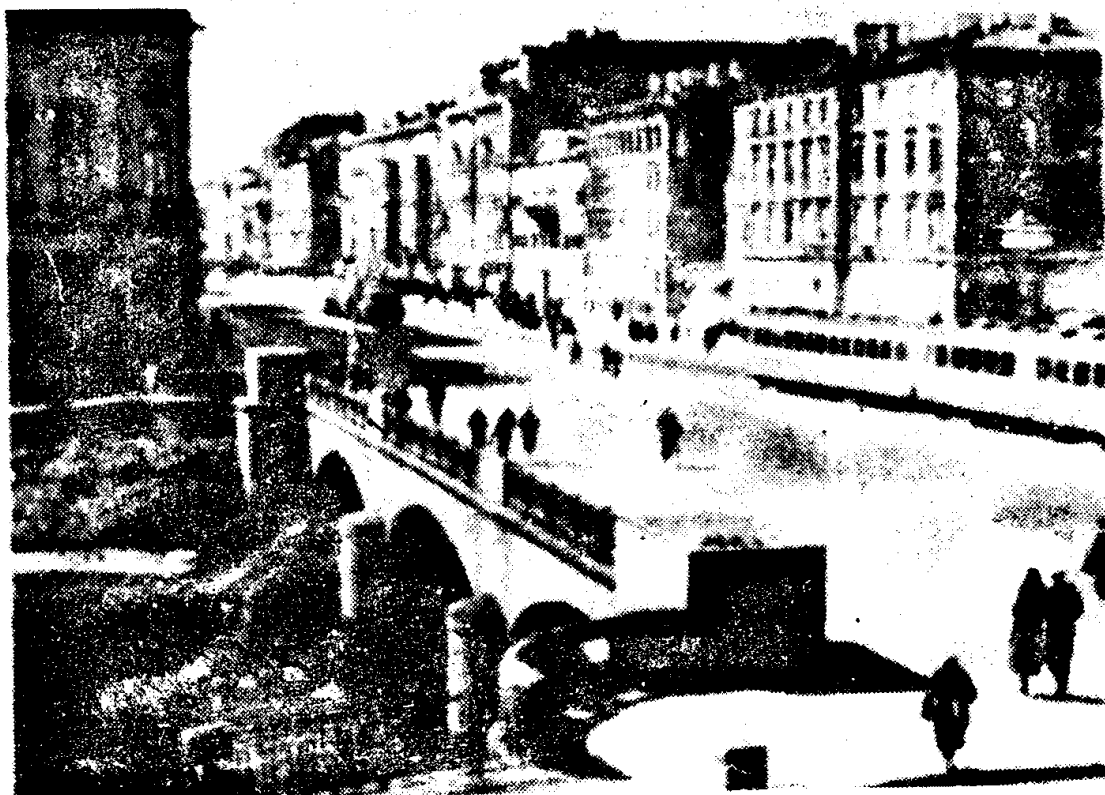
В квартире никого из соседей не было. Пошел в соседнюю, дверь квартиры была открыта, мебель сдвинута, на полу беспорядочно разбросаны всевозможные вещи, детские игрушки, рамы из-под картин... Видимо, здесь кто-то после выезда их хозяев что-то искал и хотел чем-то ценным поживиться. Нашел управхоза. Он рассказал, что моя сестра Александра с дочкой Тоней чудом остались в живых. В момент, когда в квартиру попал снаряд, сестра только что вышла из квартиры, а Тоня продолжала еще спать в кроватке. Девочку оглушило и засыпало штукатуркой. Они были переселены в другую квартиру этого же дома. Мне не хотелось расставаться с сестрой и я занял комнату в одной квартире с ними. Она находилась рядом с большой кухней, очевидно, в прошлом это была людская и в ней жила прислуга. Здесь я часто задавал себе вопрос: кто знает, может быть именно в этой квартире жил Александр Сергеевич Грибоедов, а в комнате, которую я занял, жил его слуга?

За три месяца, которые я не был в Ленинграде, в городе и на заводе произошли большие перемены. Ленинград еще больше опустел. Многие в тяжелые месяцы погибли, а в дополнительную эвакуацию, начавшуюся с января, было эвакуировано еще более 500 тысяч ленинградцев.

Непривычно в эти дни было смотреть на оживленный раньше и всегда бурлящий Невский. Теперь, в утренние часы, окинув его взглядом, можно было пересчитать всех пешеходов. Витрины магазинов его солнечной стороны были еще летом и осенью заложены мешками и обшиты досками. На этих досках висели разного рода объявления, приказы, "окна ТАСС". Были среди них и с таким содержанием: "Паникеры, болтуны, разгильдяи, шептуны в дни войны втройне вредны", или: "Болтун — находка для врага". Разнообраз-



Невский пр. Март—апрель 1942 г.



Аничков мост. 1942 г.

ные плакаты, карикатуры на эту тему можно было встретить повсюду: на стенах домов, в трамваях, в магазинах и других помещениях. Много плакатов было и на тему о чистоте города: "Городу-бойцу грязь не к лицу!", "Везде — на заводе, в квартире, в быту — борись за чистоту!", "Грязь — беда. Борись с бедой, бей лопатой, смывай водой".

Невский проспект, несмотря на отдельные разрушения, отсутствие клодтовских коней на Аничковом мосту (кони были сняты и закопаны в саду Дворца пионеров), почерневший от пожара Гостиный двор и заклеенные бумажными крестами оконные стекла домов, был все так же прекрасен. Только он, как и люди, стал строже, суровее.

По возвращении с Ладоги я узнал печальную весть о гибели всей семьи моих близких родичей. До начала блокады в доме N 22 по 9-й линии Васильевского острова, где вместе с бабушкой и с детьми Сергеем, Валентиной и Николаем жила моя старшая сестра Анна Мясникова, в квартире уже жили другие люди, и лишь оставшиеся вещи и мебель напомнили мне о родных.

Бабушку, как я уже писал выше, мы похоронили еще в декабре. Старший сын ее Сергей служил перед войной в армии. Он принял где-то в Прибалтике первые удары врага. От него не было писем, не было получено о нем и "похоронки". На запрос в военкомат нам ответили: "Пропал без вести". Однако он был жив, но об этом мы узнали позже. Шестнадцатилетний Николай был воспитанником пехотного военного училища, мечтал с детских лет стать военным, с гордостью носил военную форму. Они всем курсом, движимые патриотическим чувством, ушли (а может быть, и сбежали?) защищать Ленинград. Но командующий фронтом К. Е. Ворошилов, увидев несовершеннолетних воспитанников, приказал отправить их в Ленинград. Николай вернулся домой, но ненадолго, вновь сбежал на фронт. О нем, как и о Сергее, ничего не было известно. Сестра Анна умерла от дистрофии в марте или апреле. Ее дочь Валя была эвакуирована на Большую землю, но по дороге, как рассказывали мне позже очевидцы, с эшелона ее, больную, сняли. Так и не доехала до места назначения, погибла где-то по дороге.

Пропал без вести и мой младший брат Семен, живший вместе со мной. Работал он слесарем на Балтийском заводе. Без отрыва от производства окончил летные курсы при Володарском аэроклубе. Хотел пойти в армию летчиком, но в клубе учили летать не на боевых самолетах. В авиацию его не взяли. Тогда он ушел добровольцем в

дивизию народного ополчения своего завода. Эта дивизия 28 августа 1941 года приняла первый бой на подступах к Павловску и отступила. До сих пор о брате я ничего не знаю. В память о нем, после войны собрал я несколько горстей земли на поле первого и последнего боя брата с немецко-фашистскими захватчиками и похоронил в могиле матери.

Вновь квартиру сестры на Васильевском острове я мог посетить лишь после моей демобилизации из армии осенью 1946 года. В квартире новые жильцы дали мне письмо-треуголку Сергея, присланное на имя матери, и "похоронку" на него также на имя матери. Письмо было прислано в 1943 году, когда в живых тех, кому оно было адресовано, уже никого не было. Разница во времени между письмом и похоронкой была всего несколько месяцев.

Вот примерно содержание письма, как оно теперь мне помнится:

"Здравствуйте, дорогие мама, бабуля, Коля, Валя. Вы, наверное, меня давно похоронили, но, как видите, я жив, снова в строю и надеюсь с вами встретиться. В первых боях в Латвии я оказался в плену, но благополучно бежал. С группой товарищей, как и я, организовали партизанский отряд, который теперь влился в большое партизанское соединение, где мне и предоставилась возможность вам написать. Пишите мне, как живете, мои дорогие? Как пережили блокаду? Я знаю, у вас было очень тяжело. Как Коля? За меня не беспокойтесь, мы крепко платим за горе и слезы наших людей, которых я успел так много повидать и пережить. Целую всех. Сергей".

Это было первое и последнее письмо от Сергея. Я держал в руках написанное на мятом клочке бумаги письмо и похоронку и спазмы сдавили мне горло. Это было все, что осталось от большой дружной семьи, с которой была связана моя юность. Я должен был отомстить ненавистному врагу и за них тоже.

* * *

Теперь на работу можно было ехать трамваем. В первый же день после возвращения с Ладоги я доехал на нем до Нарвских ворот. Здесь трамвай делал кольцо. А дальше по проспекту Стачек — пешком, до знаменитой путиловской "пересечки". Тут начинался передний край обороны и один из первых оборонительных рубежей города. Проезжая часть под виадуком была забаррикодирована тяжелыми вагонными колесами, лишь узкий коридорчик между ними служил проходом и

проездом. Часовой, с винтовкой за плечами, потребовал документы. Кировцы проходили заставу по заводским пропускам. Сразу же за мной была остановлена группа загорелых солдат, они везли на передовую телегу, загруженную продуктами. От заставы справа тянулся длинный дощатый забор, за ним были видны израненные войной огромные цеха Кировского завода. Смотрю на них и не нахожу хорошо знакомую огромную световую надпись "Кировский завод" с буквой "К" в шестеренке, потом вспомнил: она была снята еще летом, в период маскировки завода.

Сразу за проходной, во дворе завода меня привычно встретил памятник С. М. Кирову. Некоторые памятники в Ленинграде в период блокады не были укрыты: Суворов, Киров, Барклай де Толли, матросы "Стережущего" стояли, как символы ратной славы русского народа. У памятников А. В. Суворову и М. И. Кутузову солдаты, уходя на фронт, присягали, клялись сражаться с врагом, не жалея жизни. Не стали мы прятать и С. М. Кирова. И вот стоял он, изрешеченный осколками, но не сломленный, и вдохновлял нас на героический труд во имя победы.

По пути к цеху вижу появившиеся в мое отсутствие оборонительные сооружения. В кирпичных стенах пробиты новые амбразуры, их стало значительно больше. Чувствуется, что как и в прошлом году, вновь готовились к оборонительным боям. Завод оживал после тяжких зимних месяцев, появились вода, свет, стала действовать канализация. Кировцы провели большую работу по уборке территории, цеховых помещений, за что 6 апреля заводу было вручено переходящее Красное Знамя райсовета.

12 апреля задул свои вагранки и ново-чугуннолитейный цех. Видя, как дымит вагранка, я в волнении подходил к цеху. На улице у входа в цех сидели десятка два мне знакомых и незнакомых лиц. Это рабочие и работницы, изголодавшиеся по теплу, вышли в оставшиеся до конца обеденного перерыва минуты, чтобы погреться на солнышке; некоторые из них сидели, подняв головы и закрыв глаза.

С каждым днем солнце приносило все больше света и тепла, возвращая людям и радость жизни. Приятно было видеть, как сквозь пыльную землю, обожженную огнем и металлом, пробивалась зеленая травка, а на израненных деревьях набухали почки — символ вечного обновления.

Кировцы много пережили, но ни бомбы, ни артобстрелы, ни голод не могли сломить силу их духа, волю к победе. Близость врага уже не вызывала у них чувства страха, как это было осенью 1941 года.



*Скобников Константин Михайлович,
начальник ново-чугуннолитейного цеха*

И хотя ожидалось летнее наступление немцев, они уже привыкли к опасности, на их лицах появились улыбки, они снова стали шутить. Казалось, что люди работают далеко от линии фронта и не думают, что каждую минуту может начаться смертоносный артиллерийский налет.

Стал меняться и быт работающих. По радио в декабре, январе можно было слышать в основном лишь устные передачи да разного рода сообщения, а в перерывах между передачами постукивал метроном. Теперь же из репродукторов слышалась веселая музыка, песни в исполнении популярных артистов.

Открылась парихмакерская. Заросшим, небритым людям, если такие появлялись, делались замечания. В цехе "старой чугушки" работала баня, настоящая, с паром, а как она была нужна людям после долгой холодной зимы! И первое время после ее открытия все мылись в одном зале, в одной стороне женщины, в другой — мужчины.

Не стало на заводе и стационаров, в которых лежали истощенные люди. Вместо них были организованы специальные столовые "усиленного питания", куда прикреплялись рабочие, еще не оправившиеся от дистрофии, а таких людей было немало.

К весне 1942 года наш цех освоил плавку сталистого чугуна на термоантраците. Для этой цели пришлось одну из вагранок приспособить для прокаливания антрацита и удаления из него лишней серы, после чего антрацит по своим качествам, как топливо, приближался близко к коксу. Однако спустя некоторое время не стало на заводе и антрацита, вновь возникла угроза остановки цеха. Начались новые упорные поиски — на чем плавить металл? Решили попробовать плавку металла на брикетах из мелкого угля и угольной пыли, которого на заводе было еще достаточно. После долгих поисков нашли способ склеивания и брикетирования угольной пыли. Для этого в цехе организовали специальный участок брикетирования. Для нового вида топлива пришлось перестраивать и вагранку. И результат был получен хороший. Теперь о таком виде ваграночного топлива можно прочитать только в книгах, а тогда благодаря ему цех не приостановил работу, продолжал давать фронту отливки снарядов и мин.

С пуском цеха погибших и ушедших на фронт заменили новые люди. Это были в основном женщины и подростки. Многие из них считали своим патриотическим долгом заменить ушедших на фронт мужей, братьев и отцов. Эти новички еще не были полноценной заменой квалифицированных рабочих, но с помощью мастеров, бригадиров, опытных рабочих осваивали новые для себя профессии. Сре-

ди них были и такие, кто никогда не видел литейных цехов. Так, работница В. Н. Николаева по профессии была текстильщицей. Она пришла в литейный цех вначале уборщицей, позже освоила профессию приемщицы, а затем стала бригадиром. Вспоминая об этом, Валентина Николаевна говорила, "Какую работу мы тогда ни выполняли, лишь бы она нужна была городу".

К весне голода уже не было, но оставалась и даже увеличивалась другая смертельная опасность — артиллерийские обстрелы. Они начинались почти всегда неожиданно. Первые снаряды рвались на улицах города до объявления о начале обстрела, заставляя людей врасплох и унося наибольшее количество жизней. В один из таких налетов я попал летом 1942 года. Случилось это в самом многолюдном месте района — на площади Стачек. Здесь находились магазины, аптека, столовая и, главное, трамвайное кольцо. Поэтому тут всегда было много народа. На углу проспекта им. Газа над гастрономом был установлен мощный репродуктор радиотрансляционной сети. Станции метро тогда еще не было и веселая музвка, которую передавали по радио, была хорошо слышна далеко вокруг. Я уже шел по площади, когда со страшным грохотом на ней разорвался тяжелый снаряд. Площадь мгновенно опустела, но три человека остались лежать неподвижно. Один из них стонал и просил помощи, над землей стлался едкий дым и над всем этим кошмаром продолжала звучать веселая мелодия! Прошли бесконечно долгие секунды, а может быть, и целая минута, пока, наконец, оборвалась музыка и раздался сигнал тревоги.

Батареи врага стояли где-то в районе поселков Урицкого, Володарского или Сосновой Поляны. Во время обстрела города слышны были их громовые раскаты. Снаряды пролетали над территорией завода, издавая при этом воющий звук. По этому звуку-вою привыкшие к обстрелам люди знали, что идет обстрел города, и по заводу в этом случае тревога не объявлялась. Снаряды, которые должны разорваться где-то близко — они не воют, а издают звук, похожий на шум падающего на тебя срубленного дерева, от них трудно укрыться. Тяжелый снаряд легко пробивал кирпичные стены цеха, а его осколки — стальные фермы. При разрыве снаряда раздается далеко слышимый хлесткий звук, содрогаются стены, почва распространяет вонючий запах гари. В этом случае, если надежно не укрыться, то каждый падающий снаряд кажется твоим и должен убить именно тебя. А фашисты, чтобы как можно больше убить людей, арталеты

производили большей частью днем, когда люди работают и их больше находится на улицах.

У каждого работающего в цехе были свои, заранее облюбованные места укрытий. Они, как правило, находились недалеко от рабочих мест и представляли собой стены внутри цеховых помещений. Все знали, что такие укрытия от прямого попадания снаряда и осколков спасают не всегда. Тем не менее, каждый однажды благополучно отсидевшийся в таком укрытии при обстреле снова бежал к нему. Были укрытия и более капитальные. Так, метрах в тридцати от проходной цеха на месте бывшего фонтана был построен блиндаж. В этом блиндаже жили солдаты зенитных батарей. Во время обстрела этим блиндажом могли пользоваться и наши рабочие (как оказалось позже, и это мощное укрытие было пробито прямым попаданием снаряда). Было сделано убежище и в самом цехе, но мало кто во время обстрела в нем укрывался, или, как тогда выражались, "было трудно загнать туда людей". И это происходило вот почему, допустим, по заводу дана тревога, в репродукторах слышится тревожный голос, записанный на пластинку: "Внимание! Внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны завода! Завод подвергается артиллерийскому обстрелу, движение по территории прекратить, всем немедленно укрыться!" Привыкшие к надоевшим обстрелам люди слышат, что снаряды рвутся где-то метров за 300—400 от них, а немцы обстрелы, как правило, вели сосредоточенно по целям, не рассеивая далеко снаряды. В этом случае многие рабочие, несмотря на требования администрации, не бросали работу, это, мол, не страшно, снаряды "не наши". А когда снаряды начинали рваться рядом с цехом или в цехе, то в укрытие бежать было уже поздно, не добежать. Надо было срочно укрываться от них где-то поближе. И это не была безрассудная храбрость. Люди, пережившие обстрелы, понимали их реальную опасность, но научились и привыкли действовать сообразно обстановке, не делая ничего лишнего. Из своего опыта они знали, например, что недолетевший снаряд опаснее перелетевшего, так как его осколки летят всегда вперед по направлению полета.

Мне не раз приходилось видеть, как ведут себя люди, попавшие под обстрел на открытом месте. Услышав звук падающего снаряда, они бросались на землю, стараясь прижаться к ней как можно плотнее, даже голову клали набок, и лишь после разрыва снаряда смотрели — где лучше укрыться от следующего?

В нашем цехе было четыре вагранки. Две из них плавил чугун, одна готовилась к работе на следующий день и одна использовалась

для приготовления термоантрацита. На заводе ночью во всех цехах, служебных помещениях окна, стеклянные крыши, фонари были плотно затемнены. Однако действующую вагранку замаскировать практически невозможно. Во время плавки металла от вагранок днем был виден дымок, а с наступлением темноты — отблески и всполохи пламени. Работа завода приводила немцев в бешенство. В один из солнечных июньских дней 1942 года фашисты выпустили по квадрату 200х200 метров, примерно в центре которого находился ново-чугуннолитейный цех, более 100 тяжелых снарядов. Этот обстрел был одним из навсегда сохранившихся у меня в памяти. Немцы били залпом из четырех тяжелых орудий, видимо надеясь, что после этого обстрела не останется ничего живого.

Сразу же после первых разрывов я спустился со второго этажа в вестибюль цеха, там уже собрался народ. Обстрел шел методично. Чувствовалось, враг под обстрел взял именно наш цех. После каждого залпа, от которого сотрясались стены, летела штукатурка, звенели оконные стекла, вкрикивали люди, в течение двух-трех минут стояла гнетущая тишина. Все ждали следующего залпа. И снова я вижу, как на лицах сидящих рядом людей появляется вопрос: а где будут рваться следующие снаряды, тут или нет? Убьют или не убьют? Слышу, в углу молодая работница, прижавшаяся к груди другой, дрожащим голосом шепчет, "Только бы не покалечили, только бы сразу на-смерть! Только бы сразу!" И снова оглушительной силы взрыв и снова томительное, изматывающее ожидание смерти.

Чувствую, как постепенно пороховые газы заполняют вестибюль цеха, становится тяжело дышать, рядом со мной пожилой рабочий открывает противогазную сумку, надевает на себя маску.

Что-то тяжелое падает с крыши, ударяется гулко о нашу стену, снова крики. Мне кажется, если бы обстрел продолжался несколько часов подряд, люди бы не выдержали, они бы стали сходить с ума. Один из снарядов рвется за стеной в помещении раздевалки, слышу, оттуда зовет на помощь мастер А. М. Тимофеев, бегу туда, в дыму и сплошной туче пыли нахожу Алексея Макаровича легко раненого. Упавшие деревянные шкафы придавили его и разбили ему лицо. Рядом с ним, опершись спиной о шкаф, полулежа, сидела окровавленная приемщица А. Андреева. Она в правой руке держала изуродованную осколком свою левую кисть, тянула руку ко мне, с трудом произнося слова. Жалость комом подкатилась к горлу, но чем я мог помочь этой несчастной женщине, вмиг оставшейся без руки. Наконец пауза между разрывами стала увеличиваться все больше и боль-

ше. Появилась надежда на окончание обстрела. Первыми, не дожидаясь отбоя, быстро выбежали в цех два подростка и вскоре же вернулись. Оба бледные, один из них, заикаясь, кричал, что тетю Таню Доценко разорвало. Второй непрерывно истерически смеялся. Видимо, время, пережитое под обстрелом, и вид окровавленного тела глубоко потрясли их психику.

Наконец прозвучал отбой. Слышу знакомый громкий и отрывистый голос начальника цеха. Константин Михайлович еще до отбоя успел обежать цех, кричит мастеру шишельного участка Бурканову: иди, собери девчат, посмотри, что натворили тебе фашисты (там была разбита сушильная печь и повреждено другое оборудование).

Люди постепенно выходили из своих укрытий, рассматривая свой цех, определяли, где что повреждено. В крыше зияли пробоины, через них лучи солнца с трудом пробивали поднимающуюся пыль и пороховой дым. Некоторые не узнавали свои рабочие места — они были совершенно разрушены. Тем не менее цех начинал оживать. Люди с ужасом и тоской брались за восстановление поврежденного. Так, после каждого обстрела большого или малого приходилось налаживать привычную трудовую жизнь цеха.

В этом обстреле было одно из самых серьезных повреждений в цехе — выведено из строя дутье, в вагранке "замерз" металл. Была порвана и электрическая сеть. Гореть в цехе было уже нечему. Все деревянное, что могло бы гореть, было сожжено зимой людьми и пожарами. На улице горели оборонительные щели, обитые досками, и большая нефтяная емкость, в которой, видимо, были остатки горючего.

После обстрела выяснились и его жертвы. Шишельница Доценко, о которой сообщили подростки, осталась жива, ей была оказана в цехе первая медицинская помощь, а в городской больнице ей ампутировали ногу выше колена. Приемщице Андреевой, у которой была разбита рука, тоже была оказана первая помощь, но когда ее клали на носилки, я видел ее в последний раз. Она была запачкана черной цеховой пылью, смешанной с ее же кровью, на лице ее был непреодолимый испуг и страдание. У нее кроме оторванной руки были и другие ранения, она скончалась в заводской поликлинике, ее не успели доставить в городскую больницу.

Убило нашу табельщицу Аню Журавлеву, ставшую после пережитой блокадной зимы замкнутой и не по годам повзрослевшей. Ане не было и двадцати лет. Она училась заочно в Политехническом институте, мечтала стать инженером. Бедняга тяжело пережила го-

лод, родные ее все погибли, а она осталась в живых только для того, чтобы быть растерзанной артиллерийским снарядом.

К этому времени к смертям мы привыкли. И тем не менее с утратой товарищей примириться было трудно. Они и после гибели продолжали оставаться как живые в коллективе, быть в твоих мыслях и жить в твоём сердце. Подобных обстрелов, вместе с ними и ужасных картин, было на заводе немало, достаточно сказать, что Кировский завод фашисты обстреливали 187 раз и выпустили по нему 4423 тяжелых снаряда. И каждый раз во время этих обстрелов гибли наши люди.

Мы, оставшиеся в живых, с глубоким уважением склоняем головы перед их светлой памятью. Они отдали за родину, за будущее своих потомков самое дорогое, что есть у человека — жизнь.

ЛЕНИНГРАД — ГОРОД ВОЕННЫЙ

*Все мужество, всю силу, всю отвагу
В комок собрал в то время Ленинград
Клочок земли. Но сказано: — Ни шагу!
Отсюда мы не сделаем назад!*

С. Наровчатов

К весне 1942 года немцы еще не отказались от мысли вновь захватить Ленинград. В связи с этим в городе возобновилось строительство оборонительных сооружений. В домах пробивались амбразуры, особенно это было заметно на солнечной стороне Обводного канала, перед первым водным препятствием. Приводились в порядок и старые укрепления.

В это тревожное время писатели Балтики прислали письмо на завод, оно было адресовано женщинам — основной силе Кировского завода — было опубликовано в заводской газете и зачитывалось в цехах. В письме говорилось: "Писатели Краснознаменной Балтики шлют дружеский привет героиням Ленинграда — всем женщинам фронтового завода. Ваш труд и подвиг народ сумеет оценить и не забудет их. Товарищи! Приближаются лютые решающие бои весны и лета 1942 года. Собирайте все силы, волю, сделайте для победы нашего великого дела все, что в силах сделать. Вперед, товарищи, боевые наши подруги! (По поручению писателей Всеволод Вишневский)".

На всех участках фронта шли тяжелые кровопролитные бои. В результате этих боев укрепленные пункты врага Старо-Паново, Ям-Ижора были взяты нашими войсками в день прибытия штаба Манштейна на Ленинградский фронт. Волховский фронт перешел в наступление.

В это время и группа Ленинградского фронта форсировала Неву, захватила плацдарм для удара на Синявино с целью прорыва блокады. Враг был вынужден в спешном порядке войска, предназначенные на штурм города, вводить в бой, одну дивизию за другой, латать образовавшиеся прорехи на фронте. В результате упорных и длительных боев нашим войскам хотя и не удалось прорвать блокаду, но враг был основательно обескровлен, и прославленному гитлеровскому генералу пришлось отказаться от штурма Ленинграда.

В период Старо-Пановской операции к нам на завод приехал секретарь городского Комитета партии Я. Ф. Капустин. На заводе он был своим человеком. Здесь он начал свой трудовой путь от слесаря-шабровщика. Учился в вечерней школе. Окончил институт, работал мастером, зам. начальника цеха. Способный инженер-изобретатель. Быстрый рост на руководящих постах позволил ему в период войны и блокады руководить перестройкой фабрик и заводов Ленинграда на военный лад. Так что приезд его на завод, который он часто посещал, не вызывал тогда большого удивления. Шла первая половина августа, период наших успехов на фронте и сравнительное ослабление артиллерийских обстрелов города. Именно в это время и решил Капустин организовать митинг на заводе, и не в подвале заводоуправления, как это было раньше в целях безопасности людей, а прямо на улице, напротив заводоуправления. Здесь он хотел поговорить с кировцами. В эти дни под звуки траурной музыки на Красненьком кладбище с почестями хоронили погибших под Старо-Пановым.

На митинг собралось много народа, день был солнечный и теплый. На деревянной небольшой трибуне перед собравшимися выступал Капустин. Он был одет в военную гимнастерку, подпоясанную широким ремнем. Прекрасный оратор. Простой человек, а спортивная фигура и вьющиеся темно-русые волосы делали его еще более обаятельным. Он говорил о боях на фронте, где и как они протекают и что складывается в нашу пользу. Говорил о необходимости давать больше оружия, называл цеха, фамилии людей.

Запомнилось мне, как один из старых рабочих сказал Капустину: "Яша, а когда же, наконец, прекратятся обстрелы завода?", Капустин улыбнулся и, назвав его по имени-отчеству, ответил: "Вот видишь,

не стреляют же. Не случайно мы собрались сегодня на улице, потерпи немножко, скоро мы их выбросим из-под Ленинграда".

Можно ли было подумать, что вскоре после окончания войны будет сфабриковано так называемое "ленинградское дело", и талантливый изобретатель и организатор производства, так много сделавший для обороны города Яков Федорович Капустин будет расстрелян?

Вэту весну, в последнюю массовую эвакуацию населения, из Ленинграда выехала и моя сестра Александра и ее восьмилетняя дочь Тоня. Сестра работала на фабрике "Красное знамя". Вместе с другими работницами фабрики на была отправлена поездом до станции Ладожское озеро, а там пароходом через Ладогу переправилась на Большую землю. Они пережили страшную голодную и холодную зиму 41/42 года и были настолько истощены, что весенние месяцы были самыми критическими в их жизни. Для того, чтобы чем-то пополнить свой пищевой рацион, сестра в свободное от работы время, как и многие другие ленинградцы, ездила по Финляндской железной дороге за подорожником, крапивой, лебедой, щавелем. Эти травы варили на "буржуйке", потом из них приготавливались каши или котлеты.

* * *

По мере эвакуации населения Ленинград становился необыкновенно тихим и несуетливым. Автомобильного транспорта почти не было, не видно на улицах детей, стариков. Чаше стали на улицах проверять документы, особенно сразу же после замены вкладышей в военных билетах. Это была эффективная мера против лиц с поддельными или чужими документами.

Надо сказать, что при проверке документов у кировцев к ним относились в течение всей блокады с уважением. Это объяснялось, видимо, условиями, в которых работал завод.

Все люди в городе должны были носить противогазы. Без противогаза могли сразу же остановить как нарушителя общественного порядка или, более того, заподозрить в вас чужого в городе человека.

Противогаз помещался в довольно-таки большой сумке, сшитой из парусины, с широким парусиновым ремнем. Эта ноша была обременительной, она сковывала человека — мешала ему ходить, ехать в тесном трамвае, в магазине... Вскоре, однако, противогазные сумки у многих, особенно у женщин, превратились в вещевые — для ноше-

ния в них белья, ложек, мисок и других предметов быта. Противогазная сумка стала обязательным атрибутом в облике ленинградца.

ОГОРОДНИЧЕСТВО

*Ленинградец, товарищ, оглянись-ка назад
В полугодье войны, изумляясь себе:
Мы ведь смерти самой поглядели в глаза,
Мы готовились к самой последней борьбе.*

Ольга Бергольц

В начале мая 1942 года в цехе появилось объявление примерно такого содержания: "Желающих иметь индивидуальные огороды, просим записаться там-то. Огородным инвентарем и семенами записавшиеся будут обеспечены". А сбоку висел огромный плакат с рисунками, призывающий: "Товарищи! Все на огороды! Обеспечим себя свежими овощами!"

Не было в цехе человека, который бы не захотел записаться на получение земельных участков. Пережившие блокадную зиму ленинградцы взялись за огородничество с энтузиазмом.

Теперь трудно представить, что тогда в городе все скверы, сады, парки, детские площадки, где только были свободные куски земли, превратились в огороды. Мне и теперь помнится, какие хорошие овощи были выращены в Ломанском переулке между молодыми липами, теперь это улица комиссара Смирнова, рядом с Выборгским Домом культуры. Хороший огород был в сквере на углу Дербтского переулка и проспекта Огородникова.

Немало было грядок с разными овощными культурами на Марсовом поле, особенно запомнилась выращенная там в сорок втором году хорошая капуста.

Люди использовали для посадки овощей даже свои балконы, в комнатах горшочки из-под цветов. Причем все это делалось с большой любовью и вниманием.

Выращивание овощей в Ленинграде тогда считалось тоже оборонной задачей, и со стороны партийных организаций и заводской администрации уделялось этому мероприятию, в частности, в приобретении семян, инвентаря. А по радио регулярно передавались лекции о значении огородничества, о том, что надо сеять, сажать, как



Огороды в Летнем Саду.

ухаживать за овощами. В цехе появились лопаты, грабли, началось распределение земли.

Кировскому заводу земля под индивидуальные огороды была отведена непосредственно на переднем крае обороны. Это в Автово и у больницы имени Фореля, там, где теперь пересекаются проспекты имени В. И. Ленина и Стачек, а также около Красненького кладбища.

Нашему цеху достался участок земли в сожженной и разобранной на дрова и блиндажи деревне Вологодско-Ямская слобода. Теперь этой деревни нет, на ее месте тянется улица Червонного Казачества и Южное шоссе.

У меня было земли на две небольшие грядки. Любовно вскопал их по шнуру, обработал, грядки получились прямые и ровные. Удобрил золой. Посеял на них морковку, редис и, кажется, брюкву или турнепс. А главное — нам дали десятка по два картофельных саженцев. Я был удивлен, что картошку можно сажать не только клубнями, но и рассадой, причем эту рассадку прислали нам как подарки самолетом жители Большой земли, откуда точно теперь не скажу. Судьба ленинградцев волновала все народы Советского Союза. В Ленинград

шли в виде подарков не только эшелоны со всевозможным продовольствием, собранные в краях, областях, республиках, но среди них были и индивидуальные, небольшие посылки с письмами для бойцов Ленинградского фронта.

Хочу заметить, такую посылку мне вручили в марте на Ладоге. В ней был расшитый узорами кисет под табак и шерстяные варежки. В посылке лежала трогательная записка от колхозницы деревни Возгриха Устюжинского района Вологодской области.

Продолжая рассказ об огородах, добавлю, что после работы мы дружно шли на свои грядки, поливали их, занимались прополкой; стала показываться зелень. Казалось, скоро будет возможность попробовать свои свежие овощи. Но это оказалось только мечтой.

В один из дней к нашим огородам подкатила реактивная установка "катюша", ее командир громко призвал всех огородников покинуть поле, предупреждая, что сейчас будет дан залп, после чего может сразу же последовать артиллерийский налет. Поблизости негде было укрыться. Мы быстро стали отходить к одному из домов на улице Якубениса, теперь эта улица называется Краснопутиловской. Тогда на ней было только три и теперь сохранившихся пятиэтажных дома, все дома с правой стороны. Занимала их дивизия войск НКВД.

От дома, где мы остановились, было хорошо видно "катюшу". Мы с интересом стали ждать залп. Привычный к своему делу расчет быстро привел машину в боевую готовность. И вот около "катюши" вспыхнуло пламя, с оглушительным ревом взмыли вверх снаряды. Они прочертили в небе огромную дугу и словно метеоры ушли в сторону Сосновой Поляны. После залпа "катюша" сразу же развернулась и удалилась в направлении проспекта Стачек. Вскоре, как нас и предупреждали, начался обстрел наших огородов. Военные, занимавшие этот дом, стали спускаться с верхних этажей в подвал, приглашая и нас туда же.

После обстрела, длившегося сравнительно надолго, я пошел посмотреть свои грядки. На месте, где стояла "катюша", осталась испепеленная земля, выжженная огненной струей, а на месте моих грядок я обнаружил громадную воронку от разорвавшегося снаряда. По существу, от грядок ничего не осталось. Копать новые грядки было уже поздно, да и не было для них семян. Так и закончилось в этом году мое огородничество.

У моих соседей по огороду кое-что тогда уродилось, но и это "кое-что" — свежая зелень после блокадной зимы была тогда ценным подспорьем к карточному пайку.

Позже немцы часто обстреливали наши огороды. Так на своих грядках погибли инженер Иван Путырский и рабочий Иван Лукин. Кировцы вынуждены были рыть там щели и при артобстреле в них укрываться.

Кроме индивидуальных огородов наш завод имел свое подсобное хозяйство с пахотной землей площадью в девять гектаров. Это поле находилось за северной окраиной города в местечке Юкки. На работу в это хозяйство привлекались люди от всех цехов. Выращенные там овощи шли в заводские столовые. Мне не приходилось бывать в этом хозяйстве и видеть, каково оно, сколько и что там выращивалось, поэтому говорить что-либо о нем не могу.

С огородами у меня связаны и другие, не совсем приятные воспоминания. Как я уже писал выше, они были у кировцев расположены в зоне переднего края обороны, где находились в основном только военные люди, и появление здесь гражданских всегда вызывало у них к нам известную настороженность. Приходилось чаще, чем где-либо, особенно идя с огородов, предъявлять свои документы. Главным документом тогда был военный билет, а в военном билете — вкладыш, удостоверяющий владельца этого билета. Вкладыш во избежание подделки военного билета часто менялся.

Он был то зеленый с желтой полосой, то красный с черной полосой и так далее. Тогда много говорили о шпионах, проникающих через линию фронта диверсантах, призывали население быть бдительным — "враг слушает и враг действует". Об этом напоминали и красочные плакаты, висевшие на улицах, в трамваях, а у переднего края тем более была особая бдительность.

Ко всему этому, после моего плаванья в торговом флоте я donaшивал свое "модное" английское пальто, коричневое в мелкую клетку. Оно выделяло меня из среды ленинградцев, давало повод для постоянных проверок моих документов.

Как-то возвращаясь с огорода с лопатой в этом "модном" пальто, я был задержан солдатом войск НКВД. Несмотря на подлинность моих документов и наличие заводского пропуска, повел он меня к офицеру, а офицера не оказалось на месте, и продержал он меня, как подозрительного человека, довольно-таки долго.

Второй случай с проверкой документов был более драматичным, произошел он на улице Стачек.

Это место считалось наиболее вероятным для появления здесь лиц, просочившихся через линию фронта. Поэтому здесь часто и дежурили бригады патрулей по проверке документов. Двое-трое

гражданских с милиционером обычно стояли при входе на площадь на углу улицы Перекопской, Промышленного переулка и на проспекте Стачек у Новосивковской улицы (теперь улица Ивана Черных). Я, как всегда идя с завода от Калининской проходной, входил на площадь с Промышленного переулка на наиболее ответственный для патрулей участок. Здесь и застала меня памятная проверка документов. Пока патруль проверял у меня документы, на кольце появился нужный мне номер трамвая. Я забеспокоился — трамваи ходили редко, когда-то еще придет следующий? Поэтому, не успев спрятать документы в карман, я побежал за отходившим трамваем. На вагонах тогда дверей не было и можно было вскочить на ходу. Недалеко стоявший дежурный дворник, видя, что я убегаю со стороны патрулей, да еще в необыкновенном по цвету пальто, засвистела и закричала: "Держи диверсанта!"

Я успел вскочить в трамвай, но кто-то все же дал знать водителю, трамвай остановился и меня чуть ли не на руках вынесли на улицу. Вокруг сразу же образовалась толпа. Кто-то кричал: Поймали диверсанта, шпиона..." Все с любопытством рассматривали меня, как настоящего диверсанта.

Не знаю, чем бы это могло окнчиться, если бы не подбежал милиционер из бригады, которая проверяла у меня документы. Он и восстановил справедливость.

А наутро по заводу прошел слух, будто бы вчера у Нарвских ворот схватили диверсанта, оказавшего вооруженное сопротивление. Наверное, этим "диверсантом" был я.

А подобные слухи тогда распространялись быстро и обрастали как снежный ком всякими невероятными подробностями.

Не знаю, много ли, мало ли в период блокады Ленинграда было настоящих шпионов и диверсантов, но о случаях арестов приходилось слышать. Некоторых из арестованных я хорошо знал. И всегда после арестов люди говорили друг другу: "Надо же, на вид был хороший человек и работник отличный, а оказался врагом народа". С одним из таких "врагов народа" мне довелось вновь встретиться после его реабилитации. Он жил близко от Литейного моста, ежедневно по нему ходил на работу и его обвинили в попытке взорвать мост!

КИРПИЧНЫЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ 1/4

Этот дом напрямую был от моей квартиры в нескольких десятках метров.

В сентябре 1941 года были регулярные воздушные бомбардировки, а они начинались, как теперь мне помнится, в 22.00. Люди знали это время и кто как мог к нему готовились. Я уже к этому времени попривык к воздушным налетам и не стал ходить в бомбоубежище, хотя оно было рядом, спуститься с третьего этажа и по двору пройти несколько шагов. Я брал стул и садился с книжкой между входными дверями. Стены здесь были широкие и я считал это место в квартире наиболее надежным в случае обвала перекрытий.

Отсюда было слышно, как палят зенитки на Марсовом поле и где-то с гулким стоном рвутся фугаски.

В один из налетов я почувствовал, как содрогнулся наш дом, бомба упала где-то совсем близко, но где — точно не мог определить. Утром по дороге на работу я заметил, что сильному разрушению подвергся дом №1/4 по Кирпичному переулку. Стену его со стороны улицы Гоголя сверху до самого низа рассекла широкая трещина. А вечером того же дня стены уже не было, то ли сама рухнула, то ли специально обрушили в целях безопасности. Завал скоро был разобран, а на месте рухнувшей стены возвели леса, обшитые со стороны улицы фанерой. На ней архитекторы И. Фомин и Б. Рубаненко нарисовали красивый фасад. С Невского даже незаметно было, что дом разрушен. Очевидно, у них уже был продуман вариант восстановления здания, на фасаде они изобразили витрины магазина, которого раньше не было. Еще не окончилась война, а дом по Кирпичному переулку одним из первых в городе был восстановлен. К удовольствию населения, в возрожденном доме удалось выкроить место для небольшого, но хорошо спроектированного магазина.

Новый красивый фасад прекрасно вписался в старый центр города. Жаль только, что ленинградцы не знают, как восстанавливался этот дом и при каких условиях появился в нем столь привычный теперь магазин.

БОМБА НА АНИЧКОВОМ МОСТУ

Эта бомба была сброшена фашистами в ночь на 6 ноября 1941 года. Положение на фронтах в это время было тяжелое, шли бои за Москву.

Вот в эти дни фашисты и решили к празднику 7 ноября преподнести ленинградцам еще один "подарок" — парализовать главную магистраль города, разрушив на ней Аничков мост. Бомба попала в середину левой части моста. К счастью, мост имел большой запас прочности. В 1908 г. к пуску на Невском проспекте трамвая его перестроили и значительно укрепили. Авиационная бомба не смогла его серьезно разрушить и надолго вывести из строя. Однако взрывом были разрушены и сброшены в Фонтанку знаменитые чугунные перила.

Движение по мосту быстро восстановили. Вместо чугунной ограды поставили сперва деревянный барьер, который потом заменили оградой из железных прутьев. Один из красивейших мостов города был неузнаваемо изуродован. Грустная была картина.

Позже недостающие чугунные решетки были отлиты на заводе "Лентруболит". Хочется отметить, что выполнили эту исконно мужскую работу формовщицы-женщины. А работа была непростая. Мне, формовщику-литейщику, это хорошо известно. Причем сделали они ее настолько точно и аккуратно, что если бы не шильды "Лентруболита", то и не отличить бы новые звенья от старых.

Повреждены были и гранитные панели. Сейчас об этом напоминают только вставки-заплатки в гранитные плиты. Осколки бомбы повредили и пьедесталы, на которых стоят клодтовские кони. Особенно заметен след осколка на первом левом гранитном монолите. На нем и укреплена медная памятная доска со словами: "Это следы одного из 148478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941—1944 гг."

Как видно, тут допущена ошибка. И очень жаль, очень обидно, что сотни туристов ежедневно в течение многих лет, читая эту надпись, получают неточную информацию. В тексте памятной доски на мосту следовало бы написать: "Это след одной из 107 тысяч авиабомб, сброшенных на Ленинград в дни войны". Тем более, что до сих пор такой памятной доски в Ленинграде нет, и всего уместнее она была бы именно на Аничковом мосту.

"КОЗЛЯТИНА" ИЗ СОБАЧИНЫ

"Мясо собаки — это вкуснятина!" — такими словами в мае сорок второго года начал со мной разговор никогда не унывающий Ваня Косырев, бригадир обрубного участка, причем добавил: не случайно же люди рекомендуют туберкулезникам есть собачье мясо, от него, говорят, туберкулез быстро залечивается. И Ваня поведал историю, как теща накормила его собачьим мясом. Этот разговор и теперь мне хорошо помнится, постараюсь привести его дословно.

"У моей тещи в Сестрорецке живет ее сестра тетя Катя, работает там учительницей, — говорил Косырев, — в ноябре сорок первого года они с кем-то втроем сложились по триста рублей и купили на мясо собаку. Свою долю тетя Катя сварила и привезла часть ее в Ленинград, как гостинцы, всем по куску.

Прихожу с работы, а мне теща говорит: "Ваня, тетя Катя привезла козлятины, я свой кусок съела, а это вам по куску с Натуськой" (Натуська — это моя жена). Я взял свой кусок, довольно увесистый, граммов четыреста—пятьсот, хотел поделить его на два раза, но так хотелось есть, что я уплел его за раз. Мясо показалось мне очень вкусным, только почему-то пахло уксусом. Когда я спросил, почему мясо пахнет уксусом, тетя ответила: чтоб мясо не пахло козлятиной, его варили с уксусом, ты же знаешь, как пахнут живые козлы, вот этот запах и надо было от мяса отбить. Козлятину я никогда не нюхал, поверил этому объяснению. Больше того, стал просить тетю Катю, чтобы она купила еще такого козла, пусть дороже уплатит, денег у нас из месяца в месяц накапливалось, теперь их девать-то некуда, "а у вас в Сестрорецке как-никак скот держали, авось что-нибудь и подыщешь".

Тетя Катя мне улыбнулась и говорит: "Хорошо, Ваня, если подыщу, я куплю тебе такого козла". И уехала к себе. Козла я больше не дождался, как узнал позже, она вскоре умерла.

В декабре, когда начался страшный голод, по городу слухи разные ползли, будто бы люди едят кошек, собак и другую живность, я возмущенно говорил дома: "Кто сможет есть такую тварь? Я подохну, но не возьму ее и в руки". А теща мне с ехидцей и говорит: "Не болтай пустое — "не возьму в руки" — а сам давно уже собачье мясо ел".

СЛУЧАЙ В БУЛОЧНОЙ

В литературе о блокаде Ленинграда почему-то утвердилась традиция изображать булочные, буквально забитые народом. В действительности дело обстояло несколько иначе. Я жил в центре города, а работал на его окраине, и нигде не видел больших очередей за хлебом. Работа булочных была организована таким образом, что выкупить хлеб можно было в течение всего дня около своего дома или недалеко от работы. Правда, утром перед открытием магазина очередь собиралась побольше, приходили люди, которые хотели получить хлеб до начала работы. Были здесь и те, кто выкупил свой паек на день вперед и теперь не мог дожидаться утра, когда откроются двери булочной.

В одно декабрьское утро 1941 года, стоя в такой очереди за хлебом, я стал свидетелем драматической сцены, которая запомнилась мне на всю жизнь. Участниками ее были подросток в форме ремесленника и женщина с хлебной карточкой служащей. Ремесленников в городе после 1940 года было много, они носили красивую по тем временам форму с эмблемами, чем выделялись из массы подростков, одетых, как правило, очень скромно. Жили ремесленники в общежитиях, зачастую были предоставлены сами себе. Поэтому с началом голода они оказались в тяжелом положении. Уже в декабре хлеб можно было продать по 100 рублей за 100 граммов, обменять на часы, зажигалку, ножик или другую не очень нужную, но такую желанную для мальчишки вещь. А потом ощущение голода усиливалось, толкая подростка на отчаянные поступки. По существу, это были голодные и почти беспризорные дети.

Так вот. Порядок получения хлеба в булочных был таков: продавец берет у вас хлебную карточку и деньги, ножницами вырезает из карточки талоны. Они были небольшие — около квадратного сантиметра — и на каждом из них было мелко написано: "хлеб", дата и количество граммов. Взяв талоны, продавец отрезал от буханки кусок, взвешивал его и подавал покупателю. Так все и шло своим чередом. Но когда продавщица, вырезав у женщины талон, положила на весы 125 граммов хлеба, стоявший рядом ремесленник схватил хлеб с весов и хотел убежать, но женщина успела ухватить его за торчащий ворот шинели. Тогда подросток сунул кусок хлеба в рот, упал на него лицом вниз и, закрывая лицо руками, стал торопливо и жадно жевать и глотать хлеб. В отчаянии женщина прижала его коленями к полу и схватила руками за голову, некоторое время трясла его, пытаясь отнять свой хлеб. Эта страшная сцена длилась

недолго, через несколько секунд от куска не осталось ни крошки. Женщина, потрясенная случившимся, поднялась и пошла к продавцу требовать свой хлеб. Подросток между тем встал. Его грязное лицо с остро торчащими скулами было искажено болью и страхом, шинелька на высохшем теле сидела мешковато и неуклюже. То ли у него не было сил, то ли он был потрясен случившимся, но он не побежал. Поняв, что его больше никто не удерживает, он неожиданно для всех необыкновенно медленно пошел к выходу. Шел и напряженно вглядываясь в лица стоявших в очереди. Так и ушел, а люди молча провожали его взглядом. И наверное у всех в памяти осталось его худое, чумазое, искаженное страхом лицо.

ПОСЛЕДНИЕ ПЛАВКИ ДЕКАБРЯ

Декабрьские дни 1941 года навсегда сохранятся в моей памяти, как самые черные из всех, что мне довелось пережить в блокаду. И не только потому, что в этом месяце не стало света, воды, тепла, хлеба, а мои силы день ото дня все больше и больше покидали меня. Во второй декаде декабря у меня были большие неприятности по работе, а они могли кончиться тяжелыми последствиями.

Дело в том, что для плавки металла кончился кокс, в шихту стали добавлять необработанный антрацит. В результате три последних плавки пошли с повышенным содержанием вредной примеси — серы, резко снижавшей прочность металла. А в мою обязанность входило подписывать документы о годности выпускаемой продукции. Если раньше шел брак обычно по вине формовщиков, мы по клеймам на отливках находили виновных, показывали им брак, и они принимали меры к его устранению. Выявлялся брак в отливках и после механической обработки. Это были так называемые "газовые раковины". В этом случае на место посылали наших представителей, брак актировался, применялись меры к дальнейшему его устранению. Все это было в небольшом количестве, порядка 3—6 процентов от общего количества отливок, что в литейном деле считалось нормальным явлением. Тут же порядка 6000 отливок, изготовленных в тяжелейших условиях, вместо того, чтобы их обрушить на головы фашистов, должны были идти в брак. Подписать же такой акт на их выпуск с такими механическими свойствами я не мог — снаряды на фронте могли бы рваться в стволах пушек. В этом случае военного трибунала мне было бы не избежать.

В сложившейся ситуации я не знал, как поступить. Начальник цеха переживал за отливки, но не настаивал на их выпуске. Во мне боролось два чувства, одно из них конкретное — отливки брак, это решение подтверждает и химанализ. Ты не имеешь права выпускать негодную продукцию. Зачем рисковать? Работай спокойно, ты в этом не виноват.

Второе решение подсказывало мне — отливки готовы, их ждет фронт. А техусловия? — спрашиваю себя. — А что техусловия! Отклонения от них небольшие, когда люди их писали, наверное, они гарантировали себя в какой-то степени от возможных неприятностей. Подписывай! Все должно быть хорошо.

И я подписал. В цехе вздохнули с облегчением.

Итак, акт о приемке негодной по техническим условиям продукции был подписан и отливки ушли с завода на механическую обработку.

Узнав об этом, начальник ОТК завода А. А. Козлов вызвал меня для объяснения. Александр Александрович говорить со мной спокойно не мог. Начал прямо: "Почему выпустил брак с завода, ты что, захотел под трибунал? Если твои снаряды будут рваться в канале ствола, сколько надо орудий, сколько погибнет людей? Тебе же за это не избежать дырки во лбу!"

Я понимал его гнев, но изменить что-либо было уже невозможно, а впредь думать об этом не приходилось, так как 18 декабря из-за отсутствия электроэнергии цех был остановлен. В худшем случае оставалось ждать неприятностей с фронта и приглашения в заводоуправление к майору НКВД Дробышеву, чтобы навсегда исчезнуть с завода как "враг народа".

Все четыре месяца на Ладоге я не раз вспоминал о злополучных плавках, думал о снарядах, как они ведут себя на фронте?

Вернувшись на завод, узнал, что за мое отсутствие с пуском цеха в нашем отделе ввели новую должность начальника ОТК цеха, им стал Н. Н. Барышников, специалист с высшим техническим образованием, и функции выпуска годной продукции из цеха перешли к нему. От него я узнал, что ЧП с фронта не было и что риск был оправдан — тысячи снарядов сделали положенное им дело.

СЮРПРИЗНЫЙ ОБЕД

Весной 1942 года, несмотря на близость врага, на обстрелы завода, нехватку топлива и многих необходимых материалов завод постепенно набирал силу. Люди ко всему привыкают, приспособляются и, когда надо, могут творить чудеса. Дымились вагранки и полным ходом на потоке шли отливки снарядов и мин. Правда, все это давалось большим, тяжким трудом на пределе человеческих возможностей. Там, где на производстве были узкие места, не обходилось без аварийных работ, которые часто приходилось приурочивать к выходным дням.

Одним из таких узких мест в нашем цехе был обрубной участок, где продукция проходила последние операции и совершался ее технический осмотр. Здесь из пустот отливок выколачивалась формовочная земля. Своевременно убирать ее не всегда успевали и за неделю ее набиралось довольно много. Иногда формовочной земли накапливались целые горы. Тогда на выходной день устраивали аврал, назначались рабочие и служащие и присылались автомашины для вывоза земли.

Вот в один из таких дней, после авральной работы, начальник цеха К. М. Скобников вместо того, чтобы как обычно сказать — "Спасибо, товарищи!" — скомандовал: "Мойте руки и айда все в столовую!"

В столовой, на удивление всем, торжественно накрывались столы, на них была постелена новая клеенка, полноватая повариха тетя Саша, в белом халате (с румянцем на щеках, который не сходил у нее и зимой), улыбаясь, подавала на стол. Каждому было дано по 100 граммов хлеба, нормальная тарелка супа, обычно за такой суп вырезалось из продовольственной карточки 20 граммов крупы и 10 граммов жиров. На второе была шротовая запеканка, политая красной сладкой жижицей. запеканка имела вид аппетитный, не менее аппетитный, чем, скажем, рисовая или манная, но была приготовлена из широко тогда известного продукта — целлюлозы, поэтому о вкусе и говорить не стоит. А на третье был стакан пива! Конечно, съесть такой обед без вырезки талонов продовольственных карточек было большим и приятным сюрпризом. У нас появилась надежда, что дело с питанием налаживается и мы скоро сможем есть досыта.

ГАЗОГЕНЕРАТОРНЫЕ АВТОМОБИЛИ

Внутризаводские и внутригородские перевозки заводом нередко осуществлялись на газогенераторных автомобилях, то есть на автомобилях, где вместо бензина применялись древесные чурки. Поскольку такой вид топлива дефицитным не был, то и работы для таких машин хватало: завоз в цех свежих формовочных материалов, металла, топлива и других грузов, а, пожалуй, главное, это развозка готовой продукции на предприятия для механической их обработки, а ими были не только заводы, но и фабрики, мастерские, даже, как помнится теперь, Вторая авиаремонтная база (АРБ-2).

Водителями этих автомашин были в основном женщины. Женщину за рулем грузовой автомашины теперь можно видеть очень редко, а тогда они, бедняги, работали на газогенераторных, еще более тяжелых, неудобных и капризных.

Что из себя представлял такой автомобиль? Это была обыкновенная полуторка или трехтонка, которые выпускались перед войной и в военный период. Из-за нехватки бензина приспособили их работать на древесных чурках. Для этого на них монтировались специальные газогенераторные установки. По бокам кабины такого автомобиля укреплялись два больших бака, грубо скажем, диаметром в обхват человека и в его же рост. Так как они дымили, их в шутку называли "самоварами". Один бак имел сверху люк, в него засыпали мелкую чурку, после чего крышка плотно закрывалась на барашки. Вместо бензобака в кузове у кабины шофера был ящик для запаса чурок, он же служил и сидением для грузчиков. Заполненный чурками бак снизу поджигался и специальный электровентильатор создавал тягу для разжигания чурки, после разжигания в баке образовывались горючие газы, они и поступали в работающий двигатель через сложную воздухоочистительную установку, которая часто загрязнялась смолой и смолистыми веществами, и машина переставала работать. Поэтому газогенераторы требовали от шофера большого труда и внимания. Нередко такие машины можно было видеть остановившимися из-за неполадок на улицах города, а возле них хлопчущего шофера. Особенно горько было видеть, когда неисправность автомашины случалась зимой. Руки шофера для чистки фильтров должны быть открыты, а они примерзают к холодному металлу, он нервничает, что дело не ладится, нервничает и из-за грузчиц, которые вместе с ним мерзнут, а главное, боится, пока настраивает машину, как бы не

замерзла вода в двигателе. В этом случае машина могла быть выведена из строя, а это кончилось бы для шофера плохо.

Вспоминая труд блокадных женщин-шоферов, которых мне довелось видеть, хочу еще и еще раз низко им поклониться за их труд-подвиг, который они совершали повседневно.

КОРОВА НА КУРЛЯНДСКОЙ УЛИЦЕ

Трудно было поверить своим глазам, когда после страшного голода, от которого умерли сотни тысяч людей, когда в городе были съедены все собаки, кошки и голуби, весной 1942 года я на бульваре Таракановской улицы (теперь улицы Циолковского) увидел женщину, пасшую корову. Позднее, уже после войны мне довелось познакомиться с семьей Григорьевых, сумевших в течение всей блокады сохранить в Ленинграде корову!

Сам по себе факт настолько удивительный, что о нем стоит рассказать. Иван Григорьевич был рабочим завода "Красный треугольник, там же работала и его жена Евдокия Ильинична. Была у них дочь Мария Ивановна, ныне здравствующая. Она выучилась на врача. Перед войной Григорьевы жили в доме № 14-б по Курляндской улице (теперь это дом № 20), а в поселке Дачное на улице Новая имели домик с огородом и коровой, которую они очень любили.

Когда линия фронта докатилась до пригородов Ленинграда, семья Григорьевых забрала корову в город. Во дворе их дома на Курляндской было свободно помещение бывшего каретника. В нем они и устроили свою корову, сюда же перевезли и весь запас сена, заготовленного заранее на зиму. В первую страшную голодную зиму, чтобы корову не украли, Иван Григорьевич проводил ночи на сеновале рядом со своей буренкой. Летом корову, на удивление горожанам, пасли на зеленом массиве между Обводным каналом и рекой Фонтанкой, тут же заготавливали и сено на зиму.

Так и продержались до весны 1944 года, когда Евдокия Ильинична, уже без мужа (он не дожил до весны 1942 года) вернулась с дочерью в Дачное и начала восстанавливать на пепелище дом и коровник.

А СНАРЯД-ТО БЫЛ "МОЙ"

Сколько раз за время блокады я слышал, как пролетают над головой, над заводом вражеские снаряды, но никогда не видел их. Человеческий глаз не способен зафиксировать снаряд в полете. Но один раз я его увидел и при этом остался жив. Видно, родился в рубашке.

А дело было так. В декабре 1942 года я возвращался домой после работы через Калининскую проходную Кировского завода. Только поднялся на самый верх железнодорожной насыпи, как услышал характерный шум — снаряд падал прямо на меня, я повалился в снег. Снаряд упал в каких-нибудь трех-пяти метрах от меня, но ударившись боком о мерзлый отлогий скат насыпи, не взорвался, а упруго подпрыгнул, сделал большой скачок вперед, вновь ударился о землю, еще раз отрикошетировал и, наконец, глухо плюхнулся боком в снег.

Все это время я видел его, видел эту жуткую пляску смерти и при каждом его падении ждал взрыва. И каждый раз обжигала мысль: "Ну, теперь все, убьет!" Когда снаряд наконец замер в снегу далеко от меня, я встал не сразу. Какое-то время я еще лежал, вжимаясь в снег, и ожидал взрыва. Вспомнилось, как в детстве мы бросали плоские камушки по воде и смотрели, как они подсакивают, постепенно теряя скорость, и тонут.

БЮСТ СТАЛИНА

В октябре 1942 года меня вызвал к себе начальник ОТК завода и говорит:

— Сейчас идет подготовка ко второй блокадной зиме, людям нужны дрова. Нашему отделу дали на снос дом, что напротив главной проходной. В помощь тебе будут даны из других цехов еще три человека. Так что завтра же надо приступать к работе.

Наутро моя бригада, вооруженная пилой, топорами, ломами, собралась на проспекте Стачек возле дома № 80. Дом был двухэтажный, из толстых бревен, на вид он был еще крепкий. Подобных домов здесь было немало, в них жить да жить людям, а теперь они волей войны были обречены: на дрова, блиндажи. Кроме того, в условиях блокады такие дома представляли и повышенную пожароопасность.

Я знал этот дом, ранее принадлежавший купцу Иванову. Внизу тогда был трактир с вывеской "Путиловский привал". Содержателем



Так развозились дрова ко второй блокадной зиме.

его был некий Туман. В период революции и гражданской войны в нем организовали питательный пункт для вооруженных путиловских отрядов. Позже этот дом был целиком перестроен под жилье. Теперь впервые за много лет своей беспокойной жизни он стоял перед нами молчаливый и опустевший.

Прежде чем приступить к его ломке, мы начали освобождать комнаты, выносить на улицу оставшуюся мебель, железные кровати и другие вещи, в надежде, что найдутся им хозяева. По тому, как были разбросаны вещи, видно было, что люди покидали свое жилище в спешке. Освобождая комнату за комнатой, мы обнаружили гипсовый бюст Сталина, выкрашенный под бронзу, размеры его были примерно в натуральную величину. Подобных бюстов было тогда немало, их устанавливали не только в Домах культуры и красных уголках, где иногда стояли и трехметровые статуи, но и в приемной директора, в кабинетах начальников цехов. Находились люди, которые ставили бюсты Сталина даже у себя дома.

Возник вопрос: что с ним делать? Вынести его на улицу, как и все другие вещи, об этом и говорить было нельзя; снести его куда-то

в другое место, но куда? — сразу не решили. Так и остался стоять на месте и на время мы о нем забыли.

Ломать дом начали сверху, летела вниз кровля, стропила, бревна. Внизу это все резалось на удобные части так, чтобы можно было положить их в кузов грузовой машины и развести рабочим по домам примерно равными частями.

Незаметно мы приблизились к потолку комнаты, в которой находился бюст Сталина. Тут-то и произошло ЧП: тяжелая доска, упавшая вниз, вдребезги разбила бюст. Мы всполошились — такое может быть расценено не иначе, как акт неуважения к вождю. А что было делать? Посоветовавшись, решили осколки собрать и закопать в земле возле дома, а самим молчать о случившемся.

А культ Сталина был тогда в самой силе. Всюду были его портреты, его имя упоминалось постоянно. Дело доходило до абсурда. Бывало, идет цеховое собрание, говорят о недостатках в работе, и вдруг ни к селу, ни к городу оратор заканчивает свое выступление словами: "Да здравствует товарищ Сталин!". Причем эти слова стараются произнести с особым пафосом и выразительностью, а у уставшего человека это не всегда получается. Вначале такое слышать было смешно, но к этому народ постепенно привык. Больше того, все дружно аплодировали. Я подчеркиваю — дружно, — иначе могли заподозрить в нелояльности к "вождю народов".

Тогда люди своими мыслями не могли откровенно делиться друг с другом. Доверяли только самым близким. За мной, побывавшим за границей, несмотря на чистое прошлое и мое добросовестное отношение к работе, была слежка, я это замечал, и не только на работе, но и приходили на квартиру, интересовались мною у соседей.

К этому времени несколько моих знакомых, а один из них был брат моего друга, были арестованы по 58 статье. Их, ни в чем не повинных, объявили врагами народа, поздно ночью приезжал "черный ворон", их забирали, тщательно обыскивали их комнаты, и люди навсегда исчезали. Но меня Бог миловал.

Да, трудные и тяжелые это были годы. Но вот что интересно. Чем больше проходит лет, тем больше влечет меня к местам, где проходила моя молодость. Иногда я приезжаю к Кировскому заводу и вспоминаю эти места такими, какими они были в период блокады. Напротив завода располагалось несколько малых улиц и переулков, таких, как улицы Суворовская, Кутузовская, Ждановская, переулки: Чугунный, Сапожный с небольшими домами, палисадами и огородами. Вместо них пролегали теперь широкие, с громадными

домами — улица Васи Алексеева, проспект Маршала Говорова, с новыми виадуками. По ним гремит мощный транспортный поток. Каждый раз обходя эти места, я нахожу здесь что-то новое, оно меня радует и волнует. Захожу я и на то место, где мы разбирали деревянный дом. Теперь здесь, как бы по традиции, вместо старого трактира "Путиловский привал" построен из стекла и стали небольшой пивной бар. Не знаю, как обслуживали раньше в том трактире путиловских рабочих, но сейчас дело обстоит далеко не лучшим образом. Пьют и на улице рядом с бывшим трактиром. Я прохожу мимо повеселевших людей, стараюсь найти примерно то место, где мы зарыли бюст Сталина. Я и теперь помню эту картину в мельчайших подробностях. Мы вели себя как убийцы, заматающие следы тяжкого преступления. Тот, кто пережил это лихолетье, нас поймет. И все-таки уже тогда я надеялся, что настанет время, когда об этом эпизоде можно будет рассказать, не оглядываясь по сторонам. Я рад, что дожил до этого времени.

* * *

Дорогой читатель, на этом я хочу закончить свое повествование. Я поделился с тобой только частью своих воспоминаний о блокаде. В июне 1943 года моя давняя просьба наконец была удовлетворена — меня отправили рядовым бойцом на фронт.

На заводе кое-кто уговаривал меня остаться. "Здесь тоже фронт", — говорили они и были, в сущности, правы. Но я не раз клялся отомстить фашистам, а для этого надо было брать в руки оружие. И вот началась новая мобилизация, предоставилась возможность попасть на фронт, и внутренний голос сказал мне: "Настало время. Иди!"

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Орлов В. "Главный конструктор танков". Журнал "Знание и сила", N 2, 1978, с. 6.
2. "Оборона Ленинграда". 1941—1944 гг., Л., 1968. С. 395.
3. Рубашкин А. "Голос Ленинграда". Л., "Искусство"-88, с. 43.
4. "Дети блокадного Ленинграда", с. 134.
5. "Ленинград в Великой Отечественной Войне Советского Союза". Сборн. докум. и материалов, т. 1, с. 117-120.
6. "Очерки истории Ленинграда". Т. 5, Л., 1967. С. 241.
7. "Литературные памятные места Ленинграда". Л., 1968, с. 113-1.
8. "Литературные памятные места Ленинграда". с. 144.
9. Аренин Э. "Когда открылся "Всадник медный". "Смена", N20, 1972.
10. Важенцев И. "Во главе героического коллектива". Л., 1959. С. 93.
11. "История Кировского завода", с. 644.
12. Шумилов Н. Д. "В дни блокады", с. 57-58.
13. "Очерки истории Ленинграда". Т. 5, С. 322.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
От автора	5
Грозная весть	7
Танки нужны фронту	11
Бомбардировка завода	15
Артобстрелы	17
Алексей Макарович	21
В тисках блокады	23
Завод приумолк	29
Кировцы на Дороге жизни	40
Снова на заводе	59
Ленинград — город военный	73
Огородничество	76
Кирпичный переулок дом 1/4	81
Бомба на Аничковом мосту	82
"Козлятина" из собачины	83
Случай в булочной	84
Последние плавки декабря	85
Сюрпризный обед	87
Газогенераторные автомобили	88
Корова на Курляндской улице	89
А снаряд-то был "мой"	90
Бюст Сталина	90
Примечания	94



Так ходили на Неву за водой.